

НИТЬ АРИАДНЫ

Евгений Кострица

Сансара

Евгений Кострица

Нить Ариадны

«Евгений Кострица»

2019

Кострица Е.

Нить Ариадны / Е. Кострица — «Евгений Кострица»,
2019 — (Сансара)

Все цивилизации рано или поздно создают адронный коллайдер. Но не все выживают. Спасение стоило дорого – на Земле возник Лабиринт. Теперь люди живут до сорока лет и умирают в свой день рождения. Прошлое не изменить, настоящее ужасно, а будущее зависит от десятка курсантов, отправленных к Минотавру. В его логове человек превращается в монстра.

Содержание

1	5
2	12
3	18
4	23
5	28
6	34
7	37
8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Евгений Кострица

Нить Ариадны

1

– Особое внимание – к обуви. Самое страшное – принести из Лабиринта на подошвах какую-то гадость. Еще хуже ее туда занести, – сержант демонстративно постучал по стальной пластине, заменявшей ему большую часть черепной коробки. – Поэтому ботинки всегда стерилизовать с вечера, чтобы утром надеть на свежую голову.

Уголки моего рта предательски дрогнули. Совсем чуть-чуть. Но и этого хватило.

– Ты! Чего лыбишься? Умом стремителен? Подбородок поднять! Равняйся! Смирно! – Битик встал так близко, что мы едва не касались носами.

Его голос звенел от ярости. Сержант явно упивался властью. В свои тридцать восемь он мог себе это позволить. У него впереди целая вечность. У меня ее нет. Я умру через три месяца, как и все в этом возрасте. Проклятие Минотавра – с этим ничего не поделать.

– Выше, сказал! И спину выпрями! Что как собака сутулая? Ты ж боец «Тесея»! Авангард, мать его, борьбы с мировым злом! А оно любит дохлятину во всех позах! Собрался отдаться? – на каждом слогe Битик брызгал слюной. Изo рта несло густым перегаром, заполированным чесноком и кислыми щами.

– Никак нет!

– Молчать, я тебя спрашиваю! – твердый указательный палец едва не проткнул мою грудь. Красная капиллярная сеть на сержантских щеках потемнела до синего. – Я где нормальный, а где беспощаден. Не доходит через мозг, дойдет через коллектив.

Верхушки деревьев злорадно зашумели листвою, аплодируя солдафонской риторике. Казалось, старые древни хлопают в сотни зеленых ладошек, предвкушая неизбежную экзекуцию.

– Взвод, упор лежа принять! Встать на кулаки!

Мы успели привыкнуть к тонкостям местного воспитания умом, но не телом. Ванька на рукопашной повредила плечо, и стоять на костяшках ей наверняка больно. Сержант хорошо знал, куда бить. Эту тихую девчонку жалели. Не курсант, а питомец, которого хотелось покормить, погладить по голове и отпустить домой к маме.

Как это чудо вообще попало в «Тесей»? Во взвод будущих рейдеров?

И всё же – вот она. Краснеющая от взгляда, вопроса и, видимо, от собственных мыслей. Огромные светло-серые глаза. Неразговорчивая, будто прозрачная, с врожденной способностью ускользать от гнева начальников. А поводов для него девушка давала с избытком.

Да, Иванка не боец. Она хилер. Причем настолько хороший, что остальное прощалось. К тому же от нее не отходила женская особь весьма свирепого нрава. С потрясающей фигурой, но колючая и жесткая, как армейский штык. Да и прозвище у нее говорящее. Спуску Вилка никому не давала, ревностно охраняя душу и тело подруги. А желающих воспользоваться тем и другим могло найтись много.

Какое-то время считали, что женщинам в рейдах не место. Вероятно, Минотавр с этим был не согласен. Способности, которые человек получал в Лабиринте, зависели от пола бойца. Войну объявили не только мужчинам. Ее объявили всему человечеству.

– Забудьте всё, что о себе знаете! – продолжал поучать Битик. – В Лабиринте это будет не нужно. И ухом не моргнете, как наложите в штаны. А выгребать ваше дерьмо придется другим. Надеюсь, все помнят, что ждет облажавшихся?

Мы помнили. Оставшийся за Периметром сам становится монстром. Безумным и страшным. Сражаться с ним приходится выжившим.

Прошло минут пять. Но Битик и не думал униматься, продолжая бубнить о дисциплине и ответственности. Как нам повезло, что мы выиграли в Лиге Надежды. Что нас ждет самый страшный враг за всю историю человечества. Что мы избранные, а судьба цивилизации теперь в наших руках. И так далее, и тому подобное. Бу-бу-бу, бу-бу-бу...

Голос сержанта звучал приглушенно и как бы издалека. Мои мышцы дрожали от напряжения, и я перестал отслеживать затейливые зигзаги его красноречия. Ничего нового там не будет, а сейчас не до смеха.

Кулаки ломило так, словно костяшки прорезали и кожу, и мясо. Болело всё. Даже острая щебенка под ними. Казалось, мои обнаженные нервы проросли глубоко в землю и соединились там в общую нейронную сеть. Я почти физически чувствовал мучения всего нашего взвода.

– Встать! – смилостивился наконец Битик.

Мы с трудом поднялись, выковыривая впившиеся в кожу камешки. Ещё легко отделались. В прошлый раз недовольный шёпот Вилки обошёл дороже. Пухлик тогда даже упал в обморок.

Краем глаза я поймал его косой взгляд. Обманчиво неуклюжий толстяк меня и так недолюбливал. После такого точно возненавидит. Для большинства эти несколько минут стали настоящим испытанием, а уж с его-то комплекцией...

– Пока Ханса мило щерился, в мире умерла сотня-другая человек! В расцвете сил, совершенно здоровых! По пять-шесть в секунду! – обвинение подкрепили новым тычком в мою грудную клетку. Должно быть, под майкой она уже синяя. – Каждая профуканная секунда означает чью-то смерть! Проклятие когда-нибудь спадет, но будут и те, кто до этого не дожил. Совсем чуть-чуть. Ровно столько, сколько вы только что потратили времени!

С такими аргументами я согласиться не мог. Хотя бы потому, что не верил, что можно хоть что-то исправить. Человечество спасут и без меня, если оно вообще нуждалось в спасении. Когда появился Лабиринт, люди стали умирать в свой день рождения. Ровно в сорок лет, секунда в секунду, а знать точный час – то еще удовольствие. С таким трудно смириться. Хотя многие умудряются найти и в этом определенные плюсы. Особенно в юности. Цивилизация и выросла вокруг концепции смерти. Знание момента ухода изменило сразу всё – наши действия, мотивы, желания.

– Сколько еще умрет только потому, что вы расслабили булки? Теряете время? Думаете, оно у них есть? Думаете, эти люди подождут вас? – продолжил нас накачивать Битик.

Вот тут не поспорить. «Булки» в Лабиринте выворачивают мясом наружу. Нам показали жутковатые картинки сразу по прибытии. Несколько потрясенных курсантов тут же вернулись домой. По крайней мере, там они умрут с достоинством и комфортом.

Конечно, страховку в случае чего отваяют приличную, но ее только предстоит заслужить. А еще выжить, как наш сержант, чтобы остаток отведенного времени почивать на лаврах, делясь опытом с нубами. Герой-ветеран, сотни удачных вылазок, больше трех тысяч собранных кристаллов. Несмотря на армейское косноязычие, Битика уважали. Орденские планки едва бы уместились на его парадном мундире. Сержант их никогда не носил, не вылезая из комбеза даже на пенсии. Думаю, он в нем и родился, яростно матерясь и отдавая команды.

– Не слишком сложная мысль, Ханса? Ты ж вроде умный? Мозгов хватит понять? – щеку Битика дернуло судорогой. На мгновение и так не самое приятное лицо стало по-настоящему страшным. – Я-то свои оставил на дереве. Тот еще кустик. Дерево Желания, слышал о таком?

– Никак нет!

– Так я расскажу, а ты постарайся так же лыбиться, когда встретишь. Знаешь, почему его так называли?

– Потому что исполняет желания? – осторожно предположил я.

– Верно. Исполняет. Но не твои, – криво усмехнулся Битик, машинально коснувшись уродливого шрама на лбу. – У Древа они однообразны. Тварь не жрёт ничего, кроме мух.

– Но ведь люди не мухи? – подобострастно подыграл Пухлик.

– Кто разрешил подать голос, толстяк? С тобой разговаривали? – зарычал сержант, охотно переключившись на новую жертву. – Упор лежачий принять! Два! Нет, три наряда вне очереди! Чокнулись сегодня все что ли? Ума, как у ракушек, а туда же...

Куда «туда же» переспрашивать никто благоразумно не стал. Битик многозначительно выдержал паузу и невозмутимо продолжил:

– Люди для дерева не жратва, а наживка! Колючки выделяют нейротоксин, заставляющий жертву карабкаться вверх по стволу. Там она и превращается в сладенький, гниющий заживо плод. Мухи на него слетаются тысячами. Их жирными личинками Древо питается.

Взвод задумчиво притих, а порыв ветра вновь заставил листву аплодировать. Казалось, деревья пришли в восторг от находчивости кровожадных сородичей. Последнее время островная флора и фауна мутировала даже за Периметром. Пусть и не с такой агрессией, как в Лабиринте. Мне жить оставалось немного, поэтому страшилки Битика сильно напугать не могли. А вот на остальных они произвели впечатление.

Ванька привычно покраснела, видимо, добавив к и так жуткой сцене что-то своё. Вилка брезгливо скривилась, недоверчиво косясь на изуродованный череп сержанта. Похоже, пыталась понять, как и на какой стадии тому удалось выкарабкаться. Угрожающе звенящую тишину нарушало только натужное кряхтение Пухлика. Бедняга опять на грани обморока. Первые три дня в учебке самые трудные.

Поразительно, как скачкообразно меняется наше восприятие за такое короткое время. Раньше я не вполне ясно понимал выражение «мир перевернулся вверх дном». Теперь же оно воспринималось буквально. И на этом дне неприятно смердело. Видимо, тоже обязательная часть воспитания.

Запах гниющей плоти, запекшаяся кровь и вывернутые наружу внутренности больше не шокировали. Вещи, которые раньше бы показались немыслимыми, стали обыденными. Между останками человека и монстра не было разницы. Смерть пахла всегда одинаково. Ее сладковато-гнилостный аромат безошибочно ощущался шестым чувством и, проходя мимо выживших, я знал, кто из них скоро умрет. Умирили здесь часто.

В наши обязанности входила уборка «биоматериала», который ежедневно выбрасывал Лабиринт. Рейдеры забирали погибших товарищей с собой, нередко кусками. Цивилизация платила дань лучшими представителями человечества. Мы собирали то, что от них оставалось.

– Подъем, крепыш! – наконец разрешили Пухлику. – Впредь держи язык за зубами. Он наверняка тебе пригодится. Кто знает, может, в Лабиринте будешь зализывать насмерть?

Парень с трудом встал, бросив на меня очередной косой взгляд. Слово я виноват в его злоключениях. Думаю, Пухлик притворялся неуклюжим только в силу привычки. Удивительно, но он умел двигаться стремительно и бесшумно. Вероятно, на гражданке подобная мимикрия ему помогала. Но зачем делать это сейчас? Ведь мы в одной лодке. Нам нужно знать, как силу, так и слабость друг друга. Иначе, первая миссия станет последней. Сержант не шутил.

Я понимал это как никто другой. «Путешествие сознания» и было моей сверхспособностью. Замаскировать ее под «Ясновидение» стоило немалых трудов. Возможно, и Пухлик скрывал нечто подобное. Надо будет обязательно заглянуть в его голову.

– Ну а теперь объявление. Сегодня важный для вас день, сосунки! – торжественно провозгласил Битик, расплываясь в улыбке. – Выбор и подгонка снаряжения. Это раз! Прыжки с утеса в костюме-крыле и упражнения с реактивными ранцами. Это два! Похороны неудачников – три! Есть вопросы?

Вопросы были, но взвод предпочел их не задавать. Ответов не будет. Нас терзали по ускоренной, какой-то особой программе. За три дня лишь пара часов на тренажерах, да немного

акробатики в аэродинамической трубе. Слишком мало даже для самых толковых. Первый выход в Лабиринт запланирован через неделю. Настоящее обучение пойдет уже в боевой обстановке.

– Отлично. Быстро схватываете! – довольно усмехнувшись, похвалил сержант. – Иванка Вачовски, вижу в глазках страх и смятение. Есть что сказать?

– Я боюсь высоты... – едва слышно прошептала та. – У меня...

– Акрофобия. В личном деле написано, – продолжил за нее Битик. – Я в курсе. А что, дорогуша, хотела? По земле ползать, пока товарищи летунов-жопогрызов гоняют? А как долбоящеры налетят? Снизу похилишь?

– У меня радиус хила...

– Сто метров, сокровище ты наше лечебное. Но для этого надо хоть немного пожить. Будешь порхать как бабочка и жалить как пчела! Вместе со всеми или бесславно размажет по камешкам. Я собирать кишки с них не буду, – зловеще пообещал сержант.

Ванька шмыгнула носом и опустила глаза. Подогнать под ее хрупкую фигурку солдатский ранец непросто. Девчонку из-под него и толком видно не будет. А ведь такого хилера на руках бы носить. Я согласился бы даже на шее. Лишь бы лечила.

– Не дрейфь, золотко. Там ничего сложного. Запас газа небольшой, не жги его за секунду. Ножки на приземлении не раздвигай, держи вместе. Как коснешься поверхности, согни колени и падай на бок. Не пытайся устоять – сломаешь косточки. Они у тебя птичьи. Глаза не закрывай, рот не открывай. Не дай бог язычок откусишь, станешь орать и выдашь врагу диспозицию.

– Так точно, – тихо согласилась Ванька.

– А ты, кудрявый, наоборот, притормози, – повернулся Битик к Лирою.

Рослый белокуроый парень всегда нетерпеливо переминался в строю, словно испытывал сильный зуд в заднице.

– Ты не рвись так. Слабоумие и отвага очень скверное сочетание. Постарайся запомнить: для прыжка с утеса костюм-крыло не нужен. Он нужен, чтобы прыгнуть дважды. Хотя бы дважды. Поэтому аккуратно и без суетливости. Только вчера такого героя по частям собирали. Уместились в совочек.

– Вы слишком заботитесь о наших курсантах, сержант, – негромко похвалил его невесть откуда взявшийся человек в камуфляже без знаков различия. Никто не заметил, когда он подошел. Казалось, сутулая фигура материализовалась из воздуха прямо за спиной Битика.

– Взвод, смирно! – вытянувшись в струнку, заорал тот что есть мочи.

– Вольно! – поморщился гость, махнув рукой. – Полковник Стрыкин. Шестой Отдел. Замполит, как бы раньше сказали. Ну-с-с-с... Пришло время познакомиться лично. Называю ник, делаете шаг вперед. Возраст, планируемый класс и вероятная сверхспособность.

Он постучал пальцами по запястью. Над ладонью тотчас высветился нейро-планшет с личным делом. Похоже, в знакомстве не было особой нужды. Видимо, полковник решил сам посмотреть новую партию из Лиг Надежды. Они представляли собой эмуляцию Лабиринта, созданную специалистами «Тесея» для поиска перспективных бойцов. Его виртуальное измерение соотносилось с оригиналом, как глобус с планетой.

Попав за Периметр, люди получали «сверхспособности» – особые навыки, работающие только в Лабиринте. Собранный статистическая база позволила выявить закономерности. Хотя бы в первом приближении понять, на что способен человек в аномалии.

Стрыкин ходил вдоль строя, как кот на мягких лапах. Мы по одному делали шаг вперед и представлялись:

– Лирой! Агро-генерация. Двадцать пять лет. «Рывок», «Железная Кожа», «Сопrotивление»! – расплылся жизнерадостный верзила в белозубой улыбке.

– Пухлик. Баффер-контроллер. Двадцать семь. «Голод», «Стена Живой Плоти», «Торжество Веры»... – хмуро процедил толстяк.

– Юлий. Магия Стихий. Восемнадцать. «Файерболл», «Ледяной Дождь», – кивнул совершенно лысый колдун с поистине царским величием. Несмотря на юный возраст, на его теле не было ни волоска. Большие оттопыренные уши причудливо коррелировали с гримаской высокомерия и напускнутой брезгливости.

– Ага... – остановился напротив него Стрыкин. – Наслышаны о ваших подвигах. Говорят, разносили в пух и прах всех соперников?

– Так точно! – гордо подтвердил тот. – В Восточной Лиге равных мне не было.

– Проверим-проверим... – задумчиво хмыкнув, полковник перешел к следующему.

– Лишь пред сугатами, неотделимыми от дхармакаи, их благородными сыновьями, а также пред всеми, кто достоин поклонения, я простираюсь в глубочайшем почтении, – ухмыльнулся бородач с необычной татуировкой на лице.

На нем была выбита дата: последний день этого месяца. Некоторые так выкальвают точное время собственной смерти, словно бросая ей вызов. Но Петрович должен жить еще года четыре. Точно знает судьбу? Знает, что умрет в этом месяце?

Внешность тоже впечатляла: большие черные круги вокруг глаз, точно у дикаря-каннибала. Оберег от злых духов, как он утверждал. Вот в этом я как раз сомневался. Скорее «для злых духов», ибо веселая сумасшедшинка в глазах лишь чуть не дотягивала до безумия. Поговорить с ним нормально было почти невозможно. Он либо дико хохотал, либо вещал стихами сомнительной ценности.

– Петрович. Темная Магия. Немного не в себе, но боец приличный, – после красноречивой паузы представил его Битик. – Тридцать шесть лет. «Прах к Праху», «Костяной Гарпун», «Демоническое Око».

– Кхм... ясно, – Стрыкин поспешно шагнул к нашим близнецам, словно опасался заразы.

– Л-леша! – гаркнул один.

– М-миша! – тут же добавил второй. Оба чуть заикались, когда нервничали. – Милишники. Д-двадцать четыре. «Ц-циклон-вертушка» с булавой и п-парными клинками.

– Самохил? – спросил полковник, хотя наверняка знал мельчайшие нюансы способностей.

– Конечно! Извините. Так т-точно! – поспешно поправился Миша.

– Отлично. Надеюсь, вы его сохраните.

Братья синхронно помрачнели, изменившись в лице. Это болезненная для всех тема. «Циклон» имел практический смысл только с «Вампиризмом», иначе в толпе врагов ни один хилер не вытащит. Способности редкие. С большой вероятностью Лабиринт сохранит первую, но шанс второй невелик. К тому же их двое, а различать их нельзя. Списание одного будет означать уход и другого. Шансы остаться у ребят минимальны.

– Ханса. Наводчик-аналитик. Тридцать девять. «Ясновидение», – скромно представился я, отметив цепкий внимательный взгляд полковника.

– Вот с этим кадром хотелось бы поговорить обстоятельно, – сухо сообщил он Битику. – Возьму с собой. Верну к инструктажу, если успею.

Сержант понимающе кивнул, а Стрыкин наконец добрался и до женской части взвода.

– Иванка Вачовски. Хилер... – потупившись, пролепетал наш «питомец».

– Достаточно, милая, – остановил он, окончательно вогнав ее в краску. – Не буду смущать. Вам здесь нелегко. Я понимаю.

– Вилка! – женщина решительно сделала шаг вперед, заслонив собой Ваньку. – Рога. Тридцать три. «Скрытность», «Удар в спину», «Кровожадность».

– Не напрягайтесь так, – усмехнулся полковник. – Ваша подруга способна постоять за себя, раз прошла Лигу.

– Еще есть некоторые проблемы с дисциплиной и нервами. Мы поработаем над этим, – прокомментировал Битик, бросив красноречивый взгляд на Вилку.

– Бывает. У нас либо в рейд, либо в землю. Мозги чистят быстро. Верно, сержант? – Стрыкин многозначительно посмотрел на Петровича. Тот расслабленно хмыкнул.

– Так точно. Прочистим. Прямо здесь и начнем! – охотно подтвердил сержант.

– Так, и кто у нас остался? – полковник остановился в конце шеренги.

Ее замыкал самый маленький боец нашего взвода. По росту, но никак не по профессиональным качествам. Стремительная и опасная, точно юркая змейка. Думаю, она могла проиграть разве что Юлию. В тотализаторе я бы на нее точно поставил.

– Юфирь. Лук и арбалеты. Двадцать шесть лет. «Поющая Стрела», «Ликвидация», «Укол в Сердце», – представилась девушка, скромно умолчав о большей части своих талантов. Говорят, она уверенно пользовалась почти дюжиной.

– Впечатляет, – согласился Стрыкин. – А еще «Подлый Прием», «Каменный взгляд», «Контроль Разума» и что-то по мелочи, если не путаю. Вы слишком скромны. Помнишь Литынского, сержант?

– Конечно, – осторожно кивнул тот. – Это был настоящий феномен.

– В том-то и дело, что был... Получили парня из Лиги с двадцатью шестью навыками. В Лабиринте ничего не осталось. Всё пропало. Пустышка. Пришлось списать после первой же экспедиции.

Мог бы и не напоминать лишний раз. Взвод ощутимо напрягся, а близнецы так вообще приуныли. У каждого свой мотив и причины отправиться в Лабиринт. Семья, долги, амбиции или возраст, как у меня. К тому же платили здесь много. Монстры наружу не лезут, это мы лезем к ним. Кристаллы из рейдов – самое ценное, что есть на планете. Ими и кормят Дыру – загадочный и ужасный объект иномира.

Она появилась только благодаря стараниям наших ученых. Яйцеголовых можно понять, но уж никак не простить. Их неумное любопытство нам дорого стоило. Теперь они говорят, что любая цивилизация развивается лишь до смертельно опасного рубежа. Потом она уничтожает себя. Большой андронный коллайдер не переживает никто, но рано или поздно до этой технологии все добиваются.

Ученые обещали настоящий переворот в науке и слово сдержали. Многолетние опыты в рамках исследований «новой физики» увенчались успехом. Столкновение пары топ-кварков создало крохотное пятнышко черной дыры, что вызвало небывалую эйфорию в ЦЕРНе. Одна из теорий суперсимметрии наконец получила экспериментальное подтверждение. А через несколько дней процесс вышел из-под контроля. Образование особых, так называемых «странных частиц» сопровождалось цепной реакцией.

Люди сорвали яблоко с Древа Познания. Библейское предупреждение намертво вшито в культурный код человечества, но кто его слушал? Мы долго испытывали природу на прочность и своего добились. Мир треснул.

Вот так сорок лет назад появилась Дыра. Прямо в мой день рождения. Вскоре она достигла макроскопических размеров, и никто не знал, как остановить ее рост. Каталитическое превращение обычной материи в «странную» грозило астрономическим событием, которое наблюдать стало бы некому. Решиться на эксперименты с частицами на таких скоростях могли поистине сумасшедшие.

Вероятно, где-то в универсуме сработала тревожная сигнализация. К счастью или к несчастью, Вселенная оказалась не столь пуста, как нам думалось. Заигравшемуся человечеству больно дали по рукам, и к нам пришло Проклятие. БАК трансформировался в Лабиринт, что всех и спасло. Добываемые в нем кристаллы затормозили цепную реакцию.

Люди так и не узнали, кто и как это сделал. Мы вели себя как любопытные дети, а за такую наивность обычно наказывают. Человечество выжило, но расплачивается до сих пор, и непонятно, когда долг будет погашен.

Пока невеселые мысли тяжело ворочались у меня в голове, Стрыкин и Битик, отойдя в сторону, обменивались впечатлениями. Сержант что-то яростно доказывал, полковник согласно кивал. Должно быть, обсуждали наши перспективы. Судя по кислым физиономиям, они были мрачными. Возможно, взвод оказался не таким сильным, как ждали.

Нет, хоронить нас еще рано. Выводы будут только после первой боевой вылазки, а до нее неделя, которую еще надо прожить. За Периметром всё может перевернуться с ног на голову. В измененной реальности сверхспособности непредсказуемо возникают, развиваются, беспричинно меняются или вообще исчезают. Но вот моя – совершенно особая, поскольку работает всегда и везде. Даже вне Лабиринта.

– Ханса! – выкрикнул Битик, почему-то брезгливо скривившись.

– Я!

– Выйти из строя! Инструктаж на горе. Не опаздывай. Специально для тебя повторяться не буду.

Стрыкин доброжелательно махнул рукой, приглашая следовать за ним. По моему телу побежали мурашки. Неожиданная аудиенция. Зачем я ему вдруг понадобился?

2

Полковник не торопился начинать разговор. Заложив руки за спину, он задумчиво рассматривал стремительных белок, резво прыгающих по деревьям. Грызуны беспокойно цокали и подозрительно косились, опасаясь за тайники с орехами.

– Уверен, что убьешь ее, если увидишь? Сможешь? – неожиданно быстро спросил Стрыкин.

– М-м-м... Кого? – запнувшись, промямлил я. Вопрос застал врасплох.

– Варвару. Вы же были очень близки. Чемпионы Арены два на два. Сурская Лига, первый дивизион. Не ошибся?

Горизонт качнулся. Неестественно громко зашумела листва, где-то совсем рядом скрипела цикада. Верхушки деревьев разошлись, пропустив слепящий солнечный луч. Я не видел ничего кроме света. Моя метнувшаяся вверх рука прикрыла глаза. На сетчатке остывал на миг вспыхнувший силуэт Вари.

– Она умерла... – бесцветным голосом выдавил я.

– Не совсем так, – поправил полковник, не сводя с меня взгляда. – Мы восемнадцать лет не могли найти тело. Она всё еще там. Недавно видели похожего на нее монстра. Возможно, разведчик ошибся, но надо проверить.

Значит, кошмары не лгали. Мне прислали урну с чужим прахом. Варя до сих пор в Лабиринте. Хотя нет, это уже не она. Там монстр с ее внешностью. Он будет на меня смотреть ее глазами. Я каждую ночь их вижу во сне.

Голова закружилась. Всё это время память бережно хранила ее образ в мельчайших деталях. Когда мы были вместе, мир расцветал, терял плотность, вес и серьезность. Светлая и воздушная, Варя точно летала над землей, изменяя саму ткань реальности. И тогда летал даже я.

Вдруг этот монстр улыбается совсем как она? Так же пахнет, смешно морщит носик? Боже, что я несу... Как не слететь с катушек еще до Периметра?

– Ты ведь вернулся за ней, верно? – почти ласково подсказал Стрыкин, глядя ледяными как у рыбы глазами.

Наверное... В этом я боялся признаться даже себе. Возможно, хотел умереть, зная, что она где-то рядом. Интересно, что помнят и чувствуют монстры? Могут ли они любить точно так же?

– Нет! Встречу – убью. Рука не дрогнет. Не сомневайтесь! – я постарался быть убедительным.

Скорее всего, не получилось. Рука, может, и не дрогнула. Дрогнул мой голос.

– Расслабься, дружок, – успокоил полковник, – мы тебе верим. Ты ведь знаешь: секунда сомнений и взводу кирдык.

– Я пойму, если отчислят.

– Так бы и сделали, – согласился Стрыкин, – но у тебя редчайшая сверхспособность. Сейчас она очень нужна. Мы даже создали небольшой резерв по кристаллам.

«И по людям» – добавил я про себя. Лабиринт – иномирье, особое измерение, куда могут войти только три рейда в день. Две смены профессионалов и группа «чистильщиков» для подстраховки. Последние вытаскивают трупы и раненых, если их вдруг там оставили. Иногда выкраивают время и для обкатки курсантов, но это бывает нечасто.

Всё силы «Тесея» уходят в Дыру, в буквальном и переносном смысле. Та требует по двадцать кристаллов в день и долгов не прощает. Они же идут на развитие сверхспособностей рейдеров. Эти ресурсы ценят и выделяют скупно. И вот, специально для меня, сделали резерв по кристаллам?

– У тебя ведь было непростое детство. Диссоциативная fuga, расстройство идентичности, синдром множественной личности? – продолжал давить Стрыкин.

Я невольно облизнул мгновенно пересохшие губы. От его пронизывающего взгляда было не по себе. Казалось, полковник читает мысли прямо на внутренней стороне моего черепа. Должно быть, там так и написано: «Врёт, туп, подозрителен и не достоин доверия».

Да чего мне бояться? В худшем случае спишут. Мне и так осталось недолго.

– Так это в детстве. Меня лечили, рецидивов не было. У каждого ребенка есть воображаемый друг или монстр под кроватью. Врачи ошиблись с диагнозом.

– Ну да. Бывает... – недоверчиво хмыкнул Стрыкин, ковыряя в зубах травинкой. – В психиатрии главное надеть халат первым. Только вот одно странно... «Ясновидение» у тебя проявилось во всех Лигах. Удивительное постоянство, не так ли?

– Ничего странного. Их не так уж и много было. Я ушел сразу после...

– Разрыва с Варварой. Мы знаем! – досадливо перебил Стрыкин. – Вы расстались, она ушла к нам в «Тесей». С такими способностями нетрудно произвести впечатление. Здесь ее очень ценили.

Еще бы они не ценили. А уж как ценил я... До сих пор не пойму, что на нее нашло? Мы ведь даже толком не ссорились. Она сказала, что видела сон, а потом просто ушла. Молча и не прощаясь.

– Почему же ее не вытащили? – мрачно спросил я.

– Не получилось. Девочка погибла, как настоящий герой, – сочувственно покачал головой Стрыкин, – но дальше произошло удивительное. После неестественно стремительной метаморфозы она вырезала свой взвод, а потом порвала на куски и чистильщиков. А ведь они не слепые котята. Ветераны Седьмого Отдела, настоящие профи. Поразительно, да?

– Она не виновата! Виноваты те, кто ее не достал! – в ярости вспылал я. Пальцы сжались в кулаки, и ногти едва не распороли кожу.

– Чистильщики нашли всех, кроме нее. «Обращение» в этом случае произошло слишком быстро. Из нее вышел особенный монстр. Остынь, пожалуйста.

– Монстр не она! – понесло вдруг меня.

– Молчать, рядовой! Смирно! – замполит ловко ткнул кулаком мне под дых.

Воздух вышел из легких, и я рефлекторно согнулся. Стая лесных птиц поднялась в воздух, а белки испуганно попрятались по дуплам. Их худшие опасения подтвердились: двуногие безумны и бьют друг друга. Начали с себя, закончат тайниками с орехами.

Странно, но в полусогнутом положении мыслить получалось яснее. Мне нельзя так нервничать. Спишут же к чертовой матери!

– Тут врагов нет, боец! Они все за Периметром! – повысил голос полковник.

– Простите... – закашлялся я.

– Простите? Ты хоть знаешь, что она натворила?! – вновь вскипел он. – Сто двадцать! Сто двадцать, сука, метров! Дыра распухла с пятидесяти до ста двадцати! В мое дежурство! А у нас не было кристаллов, чтобы ее заткнуть! Не было людей, чтобы их выбить!

Я ничего не понял, но дал Стрыкину проораться. Чуть успокоившись, он, наконец, рассказал о тех драматичных событиях. Тварь из Вари получилась невероятно могучей. В один день «Тесей» потерял два полных рейда, на развитие которых потрачены сотни кристаллов. С лимитом на три входа в день компенсировать такие потери было почти невозможно. В Лабиринт пришлось кидать курсантов. Прежний темп добычи они поддержать не могли и быстро гибли. Дыра забирала всё, что удавалось добыть. Проблема в том, что расширившись, она уже не сужалась, а дефицит ресурсов не давал возможности вложиться в способности новых бойцов.

– Ладно, – махнул рукой Стрыкин после рассказа. – Оставим мертвецов прошлому. Нам в настоящем бы разобраться. Никто не знал Варвару лучше тебя. Как думаешь, почему она стала сверхмонстром?

– Понятия не имею... – пожал я плечами. – Вроде бы видела какой-то особенный сон. Она не ушла бы в «Тесей» просто так.

– Вот как? Значит, просветление? – недоверчиво хмыкнул замполит. – Какое-то переживание, мистический опыт, я правильно понял?

– Мне нечего добавить. Варя была особенной. Она в Лиге сражалась гораздо лучше меня. Рядом с ней я выглядел скорее тотемом, чем полноценной боевой единицей.

– Ну не скромничай, шутник, – поморщился Стрыкин. – В «Тесее» нет посредственностей. Ты ведь такой же. Выиграл Лигу после двадцатилетнего перерыва. В твоём возрасте подвиг. Поэтому взяли. И даже группу подобрали особенную.

– Так это эксперимент? Я должен повторить судьбу Вари? Стать сверхмонстром? – осеңило меня.

– Нет, конечно. Сверхмонстра на тебя будем ловить. Он обязательно клюнет, – уверенно кивнул замполит. – Да, риск есть, но человечеству сейчас очень нужен герой. Порой не рисковать опаснее, чем рисковать. Времени у нас почти нет. Один пробный заход и вложимся в твой взвод по полной программе.

– Мне до сорокалетия всего три месяца... – мрачно напомнил я, зная, что в перспективного бойца вкладывали сотню кристаллов. – В моем случае это деньги на ветер. Зачем их переводить на почти мертвеца?

– Выхода нет, – устало ущипнул переносицу Стрыкин. – Пришлось даже Битика выдернуть, чтобы вас натаскать. Он год как на пенсии.

– И оно того стоит?

– Пойдем, кое-что покажу! – развернулся на каблуках замполит.

С полосы препятствий мы вышли на неприметную тропинку, чтобы сократить путь. В кустах тихо лязгнуло. «Проход запрещен» – предупреждающий знак обещал неприятности, но нас не остановил. Особая режимная зона, ловушки, боевые роботы – для обычных смертных такая прогулка бы закончилась быстро.

В нашем случае всё обошлось. Начальник караула на КПП вытянулся в струнку. Кстати, тоже полковник. Выходит, у Стрыкина и должность покруче, и допуск повыше.

До главного корпуса дошли быстро. Огромное здание и само по себе казалось черной дырой в иномирье. Затемненные стекла – точно зрачки вросшего в землю монстра. Он пожрет планету, если его не кормить. Как сожрал Варю.

Каждый день без нее словно отрывал от меня по кусочку. За двадцать лет – ни одной спокойной ночи. Или кошмары, или бессонница. И все эти годы Варя снилась смутно, точно через вуаль. Что-то беззвучно объясняла, плакала, пыталась что-то показать. Я не мог это разглядеть, как ни пытался.

Жаль, не пришел в «Тесей» раньше. Не верил, что смогу пройти Лигу один. Но ведь прошел. Или мне помогли пройти?

Для рекрутеров я лишь посредственный боец, не представляющий особенной ценности. Многообещающий старт, а потом долгий перерыв и потеря интереса к боям. Несколько побед в региональных Лигах не принесли ни денег, ни славы. Всё это получают в чемпионатах более высокого ранга. Я никогда не рвал жилы, чтобы попасть в топ. Толпы зрителей не собирал, выдающихся боевых качеств и виртуозной техники тоже не демонстрировал.

Сейчас уже казалось, что мои соперники поддавались. Хотя зачем? Стрыкин мог бы забрать меня и так. Вне конкурса и без лишних церемоний.

Сканер скользнул по лицу лазерной сеткой: профиль прошел проверку. Значит, мой допуск оформлен заранее.

Лифт. Безлюдный коридор. Снова лифт. Несколько уровней идентификации. Шлюз санитарной обработки. Зловещее жужжание сервомоторов, не выпускающих из-под прицела мощных плазменных пушек. Я чувствовал это настороженное внимание кожей. Она начинала чесаться.

Эти меры предосторожности трудно назвать лишними. Они нужны не для защиты от монстров, а для защиты людей от людей. Проклятие стимулировало появление радикалов, террористов и религиозных сект с самыми сумасшедшими идеями. Несколько попыток диверсий вынудили держать на острове военный гарнизон и полноценный комплекс ПВО для подстраховки.

– Пришли! – объявил полковник, заглядывая в смотровую щель очередного прибора.

Машина просканировала радужку глаз, и высокие ворота бесшумно отъехали в сторону. Я ожидал увидеть нечто особенное, и всё же невольно попятился.

Дыра оказалась не бездонной ямой, как мне представлялось, а гигантской сферой, висевшей посреди огромного зала. Фосфоресцирующие волны поляризованной плазмы прокатывались по ней, точно жар по раскаленным углям.

– Экранирующее тороидальное поле. Впечатляет, да? – прошептал Стрыкин.

Это действительно, впечатляло. Причем не размерами. Сфера диаметром сто пятьдесят метров смотрелась внушительно, и всё же в ней ощущалось что-то еще. Нечто величественное, безначальное и бесконечное. Я чувствовал исходящую от нее силу. Очевидную, невыразимую, недоступную для понимания. Дыра будто высасывала мысли из головы, оставляя пустое черное поле. Возможно, поэтому так завораживало. Оцепенев, я мог на нее смотреть вечно.

А ведь мы ровесники. Более того, родились в один день. Я, Варя и Лабиринт. Поразительное совпадение.

– Смотри! Сейчас будут кормить! – толкнул локтем Стрыкин.

За пультом сидело несколько человек в оранжевой униформе. Еще один стоял у металлической воронки в сложном плетении металлических труб. Негромко переговариваясь, они напряженно следили за показаниями на мониторах.

Коротко взвыла сирена, и над аппаратом перевернули банку с оранжевыми кристаллами. Яркие ромбики сыпались из нее точно тыквенные семечки.

Вновь стало тихо.

Взгляды людей теперь не отрывались от огромного табло, занимавшего почти всю противоположную стену. Между бегущими строчками символов замигали большие красные цифры: «сто пятьдесят пять». Еще с десяток знаков шел после запятой. Через секунду один из них перескочил с тройки на семерку.

Все чертыхнулись одновременно. Зло и разочарованно.

– Видел? – снова ткнул локтем Стрыкин.

– Что? – не понял я.

– Она растет! Пока медленно, но с каждым днем всё быстрее.

– А как же кристаллы?

– Они сдерживают скачкообразный рост, но совсем не останавливают постепенное расширение, – терпеливо пояснил полковник. – Оно началось недавно, но если темп сохранится, Дыра уничтожит это здание за три месяца. Планету – еще через шесть. Врубаетесь?

– Почему она расширяется? – спросил я, быстро подсчитав, что апокалипсис уже не застану. Похоже, мы умрем почти одновременно.

– Никто точно не знает. Но Варю-сверхмонстра нашли в тот же день.

– Думаете, есть связь?

– Возможно. Две одновременные аномалии на это как бы намекают. Логично?

– Нет, – упрямо возразил я. – Вы связываете с Дырой не Варю, а факт ее обнаружения. Она же не из пустоты появилась, а где-то бродила до этого.

– Какой ты у нас умник... – раздраженно фыркнул Стрыкин. – Мы слишком мало знаем. Ищем любые зацепки, рассматриваем все версии. Даже самые сумасшедшие. Конкретно эту разрабатываю и проверяю я. Понятно?

– Так точно.

На самом деле ни черта непонятно. Притянуто за уши. Конечно, мне не обязаны объяснять всё на пальцах. Наверняка есть причины сопоставить рост дыры и сверхмонстра. Но про него ведь давно все забыли. Мало ли их там бегают...

Или много? Кто знает...

Люди не понимали, что представляет собой Лабиринт. Кротовая нора в другое измерение, коллективная галлюцинация, хитроумный механизм или кошмар, воплотивший в реальность наш собственный страх?

В любом случае Стрыкин знает то, что не знаю я. И всё рассказывать мне не будет.

– Теперь понимаешь масштаб угрозы? – он показал глазами на сферу. – Запомни эту картинку как следует. Чтобы не мяться, не дрогнуть, когда встретишь монстра. Найти и убить его – вот последняя миссия. Дембельский аккорд твоей жизни.

– Мы всего лишь курсанты! – запротестовал я.

– А это всего лишь Дыра! – рявкнул Стрыкин, подталкивая к выходу. – Справишься! Кто еще это сделает? Ты знаешь о Варваре всё. Привычки, рефлексy, любимое-нелюбимое... Там наверняка что-то осталось.

– Осталось? – я резко остановился. – В монстре?

– Чистая физиология. При метаморфозе часть органов и нервной системы перестраивается в новые схемы. Какие-то человеческие слабости могли сохраниться.

Ступни ощутимо прижало к полу. Лифт поднимался с приличным ускорением. Обед я уже пропустил, да и к инструктажу едва ли успею. Битик будет наверняка злой, как черт. Кстати...

– Почему бы не послать с нами профи? Сержанта, к примеру? – осторожно предложил я.

– Тьфу ты! Черт подери это ускоренное обучение... – чертыхнулся полковник, раздраженный настырностью. – За Периметром свои правила. Рейдеры должны быть примерно одного уровня, иначе не пустит. Твой вот какой?

– Видимо, нулевой, – неохотно признал я.

– А в сержанта вложена сотня кристаллов. Чувствуешь разницу? Приходится танцевать от тебя. В твоём рейде могут пойти только такие же нубы. Плюс-минус пять кристаллов в способностях каждого. А времени нет, – тяжело вздохнул Стрыкин.

Мы наконец-то вышли на свежий воздух. От ухоженных газонов приятно пахло травой. Прохладный ветер охлаждал лицо, в ясном небе чертила стая стрижей, а деревья тихо шелестели листвой, словно успокаивая возбужденный ум после кошмара.

К сожалению, Дыра не приснилась. Гигантский черный нарыв созрел, а мир об этом не знал. И только немногие знали, что он заминирован. Часы уже тикают.

– Если вдруг что, сразу к сержанту! – Стрыкин пробежался пальцами по запястью, отправляя на КПП пропуск. – Приснится или почудится – неважно. Мы за тебя сами подумаем. Своим о Дыре ни слова. Взвод подбирали под тебя. Тысячи личных дел, все последние Лиги, записи и архивы. Сотни человеко-часов кропотливой работы. Не вздумай ее запороть!

Замполит еще раз смерил меня взглядом, словно проверяя комплектность. Я был пока еще цел. Только бросив быстрый взгляд на часы, понял, как сильно опаздываю. Жалкий лепет оправданий Битика не растрогает. Придется бежать.

Утёс, где прыгал взвод, оказался неприятно высоким. Поросший кустарником, он походил на крепостную стену, по которой серпантином вилась тропинка, порой превращаясь в пунктир. Выступающие из скалы камни тысячи курсантских ног отполировали до блеска. Интересно, как здесь карабкалась Ванька со своей акрофобией?

Чет его знает, сколько костей разбросано по ручью. Курсантов здесь не жалели, и неудачников отсеивали, чтобы впустую не тратиться.

Вконец запыхавшись, я всё же поднялся на утес. Воздушные маневры были в самом разгаре. Юфирь и Пухлик выписывали в небе неровные петли. Кто-то программу уже отлетал. Скоро и моя очередь.

– Ага, наш смешарик пожаловал... – зловеще ухмыльнулся сержант. – Держи! – Он кинул мне плотный сверток, едва не сбив с ног.

– А как... – я озадаченно мял экипировку, пытаюсь разобраться в сложной вязи шнурков, ремешков и зажимов. Костюм-крыло осваивали в аэродинамической трубе, но реактивный ранец видел впервые.

– Как хочешь! – пожал плечами Битик. – Не маленький. Пропустил инструктаж? Значит, не нужен. Пойдешь в паре с Иванкой. Близнецы следующие. Минута на подготовку.

Всего минута? Он хочет, чтобы разбился?

Нет, Стрыкин угрохал на нас уйму времени. Значит, заметили. Меня провоцируют.

Хорошо, пусть разбираются. Может, и мне объяснят.

Я расслабился, закрыл глаза и посчитал до пяти. Мир стал ослепительно белым, а потом скользнул в черноту.

3

* * *

– Битик! Ну что там с Хансой? – разорвался в ушах окрик Стрыкина. Надо срочно отрегулировать громкость приемника. Он едва не лишил меня слуха.

– Закрыв глаза. Кажется, медитирует стоя, – прошептал я, отворачиваясь от курсантов. А то подумают, что сержант говорит сам с собой.

– Смотри внимательно! Мне с дронов не видно. Всё, больше не отвлекаю. Не пропусти ничего!

Смотреть хотелось только на Вилочку. Горячая стерва. Интересно, как она трахается? Наверняка так же яростно. Кожу ногтями со спины снимет. И рычит. Мне бы понравилось.

А на Хансу чего пялиться? Хренов нубяра наверняка облажается и перепутает шланги. Без инструктажа он разобьется, если взлетит. Остальным тоже недолго осталось. Босс, спятил, если думает, что взвод вытянет. Его убьет этой гонкой. Бросать сейчас ребят за Периметр будет убийством. Через год-два получили бы рейдеров. А так – мясо. Сгинут ни за грош.

И чего наверху так прицепились к Хансе? Что в нем такого? Не проигрывал лишь потому, что и не играл толком. Нет поражений, значит, нет и закалки. Такие быстро ломаются. Скиснет после первой же шишки. А их будет много. Рейдером становятся, когда своими руками режут труп погибшего друга. Только тогда и рождается настоящий боец.

Инстинкты и ярость – вот всё, что ему нужно. «Убей и беги» – вот наш девиз. Ханса умен, но думать там некогда. Мысль мешает рефлексам. Мозг себе пусть босс с яйцеголовыми плавят. Им можно, штабные ведь за Периметром не бывают. А для нас главное – чуткая, избегающая приключений жопа. Она не подведет и там, где спасует логика.

– Ханса, шаг вперед! – скомандовал я, предвкушая разочарование шефа. Тот просил не вмешиваться даже при грубых ошибках. Но это мой, а не его курсант. Я не дам парню сигануть со скалы.

Тот, наконец, собрался и вышел из строя.

– Срань господня... – вполголоса ругнулся я. Его глаза! В них никого не было. Там только тьма!

В голове знакомо закололо. Червь под пластиной зашевелился, почуяв своего. Так бывает, когда рядом монстры. Но мы снаружи, их же здесь нет!

Ханса?!

– Что? Что там?! – заверещал в ушах босс. – Битик, докладывай, сука!

– Пока нечего! – отрезал я.

Хоть бы заткнулся. Сейчас не до него. Ханса не человек. Это тварь Лабиринта!

Нет, тут не сходится. Он же никогда там не был. Или был?

Я видел тысячи монстров. Этот взгляд не забыть. Мы для них только корм.

– У тебя скачок показателей! – рявкнул Стрыкин, заставив в очередной раз снизить громкость.

Так и написать в рапорте? «Пустые глаза», «иррациональное переживание страха»? Это не воспримут всерьез. С червем и так нарисовался достаточно. Черепная коробка от него аж трещит, а мне не верят. Врачи говорят, что это нервное. Показывали снимки МРТ, успокаивали, заверяли, что никакого червя в голове нет. А он есть. Только в другом измерении, из которого прогрыз в мозг нору!

Яйцеголовые не знают, что нереальные черти хуже реальных. Те, что приносишь из Лабиринта так просто звери. А раз их как бы нет, то ничего и сделать нельзя. Разве что выпить. Вот тогда мой червь веселее.

– Битик, мать твою! Он тянется к шлангам! Думай громко: «Переключить черный». Громко! Оглушительно думай!

Как скажешь, босс...

Я послушно подумал: «Переключай черный. Переключай черный. Правильный вариант: черный!»

Ханса невозмутимо включил желтый.

Один из шести! Не ошибся!

Инструкция требует первым включать синий. Я так и объяснял на инструктаже. С желтого начинают только бывалые рейдеры. Там свои тонкости: время отклика меньше, но старт резче. И ведь Ханса не повелся. Значит, не читал мысли, а знает как надо. Он смотрит куда глубже.

Имплант в ушах, наконец, замолчал. Видимо, анализировали действия Хансы. А действовал тот слишком уверенно. Ранец в рабочий режим перевел безошибочно, ни секунды сомнений. Монстр бы не стал так палиться. Значит, не монстр. Тогда кто?

«Ясновидение»? Так себе навык. Редкий, но не уникальный. Школа разума, третий тир. Позволяет видеть баффы и дебаффы на врагах и соратниках, их сильные и слабые стороны. Нет, тут нечто совершенно другое. Сверхспособности виртуальны, то есть тут никак не помогут. Они работают только в Лабиринте или в его эмуляторах. Но мы не за Периметром!

В строю кто-то ахнул. Я встрепенулся, посмотрел вверх: там с горем пополам отбили программу. Юфирь приземлилась по-женски изящно. Пухлик бухнулся так, что едва не разбился.

А ведь мог сесть чисто. Еще одна «темная лошадь». Непонятно, зачем придураться с кошачьей-то грацией. От наметанного глаза такое не скрыть. Вот только разбираться с ним некогда. Подождет, тут у нас тварь почище сидит...

– Ханса, Иванка, на старт! Дистанция сто метров. Вираз, горизонтальная восьмерка, спираль, пике с углами меньше сорока пяти градусов. Не сближаться! Всё ясно?

Девушка, побледнев, кивнула. Зрачки расширены, пальчики дрожат. Не боец.

А вот Ханса – точно мертвая кукла с глазками-пуговицами. В них ничего нет. Да и за ними, скорее всего, тоже. Пустота. Бессмысленная и беспощадная.

– Пошли! – скомандовал я, поймав себя на мысли, что слишком стар. Не телом, конечно, а нервами. Стальная пластина прослужит долго, а вот то, что под ней...

Забрать бы с собой Вилку, да махнуть на остров, проматывать пенсию. Злющая баба, щи и самогон с чесночными гренками – что настоящему мужику еще нужно? Ничего. Забыть «Тесей», службу, друзей, которых вынес кусками. Но разве забудешь?

Червь порой выручает. Жаль, не всегда, но хоть так. Иногда с ним прикольно, а иногда хочется отрезать вместе с собственной головой. Особенно когда непонятно, кто из нас кто.

Вот сейчас я червь или Битик? Он думает за меня или я за него?

Черт, и правда слишком стар! Нахрена тогда вернулся на службу?

Стрыкин попросил, а я не смог отказать. «Будет интересно» – так он сказал. Охрененно. Так всё и есть. Ханса – милейший чувак, просто лапочка. Такие даже без башки за тобой долго бегают. Она ведь им не нужна, мозг там в другом месте. Только кто же поверит?

Пока я изводил себя тяжелыми думами, монстр свечой ушел в небо. Знатная тварь, что ей какие-то перегрузки... Иванка же взлетала по дерганой, рваной параболе, проваливаясь и взмывая, как сонная бабочка.

Нет, она точно не боец. Чем думал Стрыкин, когда брал? Из заштатной, никому не известной Лиги четвертого дивизиона? Четвертого! Там даже вшивый пудель как лев!

Да и взвод сформирован через жопу. Из ценного только Юлий с Юфирью. Вот они просто звери. Остальные полное барахло. Да и поздновато в них всерьез вкладываться. Восемнадцать-двадцать лет – вот оптимальный возраст курсанта. До тридцати доживет половина, до тридцати пяти – единицы.

Мне повезло. Я ушел в тридцать шесть и своими ногами. Правда, с червем и металлической пластиной в башке. Лабиринт никогда не отпускает добычу. Я для него свой, раз обманул смерть. Единственный, кто пережил резню с Варей. На мне черная метка судьбы.

Теперь за Периметр уж не пройти. Кто меня пустит? Нет такого рейда. Мельчает народ, деградирует. А я бы с удовольствием вернулся червя прогулять. Он давно просится. Вспомнить былое, повидать своих, показать силу.

– Битик, что молчишь? Заметил что? У нас помехи. Как Ханса? – проснулся вдруг Стрыкин.

Ох, неспроста картинка пропала. Хотя на острове так часто бывает из-за Дыры.

– Да хрен с ним что делается, – раздраженно проворчал я. – Вьется, аки ворон над буйной башкой. Нарисую всё в рапорте.

– Ты аккуратнее с ним. Береги, как свои яйца! Понял меня? На кону многое. Усёк?

– Так точно, босс. Понял.

Сто раз пожалел, что не могу отключить связь. Шеф разозлил. Тайны, секреты, а мне ни слова! Зачем тогда звал? Я вовсе не рвался. Взвод набирал Шестой Отдел, так пусть с ним и трахается. Ускоренное обучение? Похороним быстрее! Спешка всегда плохо заканчивалась. Сколько таких на моей памяти было...

Яйцеголовым-то в пекло не лезть. Лезть всегда нам. Хорошо, хоть живут сорок лет. Вреда от них меньше. Проклятие – благословление. Уж в этом случае точно.

– Битик! – истерично завопил имплант.

Я и без подсказки увидел проблему. Иванка потеряла пространственную ориентацию и рефлекторно дернулась, поддав газа. Ее закрутило и с ускорением потащило вверх.

Что она творит?!

Девчонку болтало по небу, как сдувавшийся воздушный шарик. Вероятно, от перегрузки потеряла сознание. С земли ей кричали, махали руками, а Ханса даже не пытался помочь! Он, как бесчувственный, продолжал работать по своему заданию.

Подпрыгнув, я рванулся к ним в небо, благо ранец на мне. Ничего, еще и не такие экземпляры вылавливал. Снизу полет не впечатляет, а вот наверху крышу сносит частенько. Причем у всех по-разному. У кого от страха, у кого от восторга. Иванку же трясло еще на земле.

На встречных курсах девчонку не поймать: скорость большая, расшибемся в лепешку. Надо догнать и аккуратно зацепить, не оторвав руку.

Маневр хорошо выглядел только в теории. Девушку непредсказуемо мотало. Она закладывала немыслимые петли и виражи, то проваливаясь, то взмывая свечой, и я раз за разом промахивался. Стоило броситься на перехват, как цель рывком уходила в сторону.

Выглядело так, будто она специально. Будто взбесившийся ранец думал и действовал за нее. Сколько там еще газа? В таком дерганном режиме этот танец будет недолгим. Надо ловить.

Я прицелился, но опять промазал. Разворачиваясь, увидел, что Ванька вошла в штопор. У нее закончился газ.

Да чтоб тебя! Не догнать! Помочь ей могли только те, кто внизу.

К обрыву метнулись только двое. Вилка и Лирой без раздумий бросились вниз.

Газа в ранцах у них не было. Свою программу они откатали, но костюм-крыло не сняли. Им нужно лишь распустишь ремни.

Вилка так и сделала. А вот Лирой – нет. Отвага и слабоумие. Парень, видно, надеялся, что помчится по небу, как Супермен. В развивающемся плаще и с вытянутой вперед рукой. Он раскрыл его слишком рано.

К счастью, Лирой упал на склон. Прорыхлил грунт по касательной и остановился в кустарнике за метр перед пропастью.

Вилка же камнем летела вниз, набирая скорость. Крылья расправила, только поймав восходящий поток воздуха.

Сделала горку! Умница! Хоть чему-то их научил.

Ей лишь не хватило навыка и везения чуть подрулить, чтобы встретить подругу. Почти невесомая, та ударила в нее, точно снаряд. Жестко столкнувшись, обе закувыркались и рухнули вниз.

К счастью, я был уже рядом. Сегодня повезло всем. Так редко бывает.

* * *

Голова кружилась, чуть подташнивало. На этот раз откат сильнее обычного. Многого повидал, но червь-компаньон мне еще не встречался. Посттравматическое расстройство. Шизотипическое, но еще контролируемое.

Битик хорошо держится. Я ведь физически чувствовал, как червь шевелится под пластиной. А вдруг он реален? Вдруг экранирует себя от медицинского сканера?

– Ты сволочь, Ханса! – презрительно сплюнул Пухлик.

Да нет, не я. Но не стану оправдываться. Пусть думают что хотят. Не объяснять же: «Я в этот момент и был Битиком!». Не сидел в его больной героической голове, а стал им. Или червем, хрен разберешь кто там кто...

Именно так подсознание выиграло мне прошлую Лигу. Мое собственное тело остается пустым, но не падает в обморок, считывая информацию с внешнего датчика моего «я». Оно в это время гнездится в противнике. Я действительно становлюсь им, мыслю и действую, как сделал бы тот. А когда возвращаюсь, то всё это помню. Своего рода «ментальный туризм».

Как у меня получается? Не знаю.

Первый раз это произошло в детстве. Еще ребенком я пытался выяснить что-то у взрослых. Тогда они нервничали, задавали вопросы, опасливо косились и давали таблетки. А меня удивляло, что у других всё не так.

В каждом таком путешествии я полностью сливался с объектом. И каждое оставляло, впечатывало трудно смываемый след. Я словно приносил грязь на обуви в собственный дом. Иногда ее очень трудно отмыть.

Думаю, сознание даже не перемещалось из разума в разум (поскольку и так вездесуще), а будто окрашивало себя ими по очереди. Похоже на бескрайний пустой коридор с множеством запертых комнат. К ним можно подобрать ключ, но, чтобы открыть одну дверь, приходится закрыть другую.

Вот прямо сейчас я в «апартаментах Хансы». Разумного двуногого существа, немного отличающегося от миллионов таких же. Здесь его тело, опыт, привычки, характер и прочее-прочее. Время от времени что-то добавляется, что-то уходит, но в целом всё почти так же. Его «комната» исчезнет только со смертью. По сути ее никогда не было. То, чем она была, определял «интерьер». Но вот растащили мебель, сняли люстру и снесли стены – куда она делась?

Вот так память создает иллюзию «я». А перемещение несуществующего еще более ложно. Пространство не нуждается в стенах, они даже не способны ограничить его. Мы все томимся в душной клетке человеческой личности. Грезим прекрасными или ужасными миражами. Безначальное в конечном, форма в бесформенном. Сознание подобно огню в топке огромного корабля, пускающего дым из множества труб. И каждая из них дымит собственным «я». Мое просто умеет сливаться с другими.

Наверное, в отлаженном механизме иллюзий порой что-то ломается. Пленник нашел ключ, но бежать ему некуда. Зато теперь он может свободно путешествовать по тюрьме. Неко-

торые камеры очень заняты. Вот так я только что вернулся от Битика. Меня заинтересовал его червь.

Хорошо было бы забраться и в голову Стрыкина. Но теперь тот не подпустит на пушечный выстрел. Наш замполит обо мне что-то узнал.

4

Вот и настал день боевого крещения. Сегодня мы должны войти в Лабиринт. Первый рейд, первые чудовища, которых наконец-то убьем. Одно из них интересовало меня особенно сильно. Вряд ли оно будет ждать прямо на входе, но я не успокоюсь, пока не найду. В нем должно что-то остаться от Вари. Иначе зачем я пришел?

Вероятно, у каждого был свой ответ на этот непростой вопрос. И вряд ли он совпадает с тем, что указали в анкетах. Мы ввалили Комиссии, она точно так же ввала нам, собрав странный взвод на странных условиях. Обучение и правила потому тоже странные. Миссия неизвестна, цель неясна. То, что мне говорил Стрыкин, лишь часть правды. Гораздо интересней то, о чем он молчал.

За Периметром всегда тихо и страшно, словно его отделял от внешне благополучного мира незримый экран. Возможно, так оно и есть. Здесь даже воздух был совершенно другим, хотя его физические показатели в норме.

Вход в сам Лабиринт скрывали руины бывшего «ЦЕРНа». Сердце передовой науки мстительно принесли в жертву природе, позволив ему обвалиться и зарости. Агрессивная флора быстро отвоевала место под солнцем, создав плацдарм для наступления новых для человечества видов. Пока с ними справлялись, но мутации резко усилили генетический дрейф, и необычные растения потихоньку расползались по острову. За Периметром же им никто не мешал, и они буйно цвели, привлекая сонмы доверчивых насекомых. Эта дивная красота чаще всего была плотоядной.

Все об этом хорошо знали, поэтому лишнего старались не нюхать. Впрочем, Пухлик частенько прикладывался, после чего ходил счастливым и тихим. Мы молчали, потому что всех это устраивало, но сегодня особенный день. Битик следил, чтобы никто не отклонился с маршрута.

Дорожку, петляющую среди полуразвалившихся строений, утоптали до плотности камня. Табличек и указателей не было, но именно она вела к самому таинственному и сакральному объекту планеты.

Сакральному – потому что Лабиринт принес спасение, когда казалось, что гибель Земли неизбежна. Таинственному – потому что знали о нем очень мало. Иномирье занимало особое место в доступной для человека реальности. Чужой и незнакомый мир выходил за границы известной физики, но скопировал человеческий культурно-исторический код. Его неведомые создатели словно издевались над привычной логикой и нашим пониманием здравого смысла.

Легенды, страхи и фантазии причудливо смешались в этом пространственно-временном измерении с механикой и законами популярных ролевых игр. Вот только умирали в них по-настоящему, а «сохраниться» или «прекратить игру» люди уже не могли. Как и аборигены самого Лабиринта, которых мы терзали набегами.

Под незримым оком создателей эта нескончаемая мясорубка одинаково равнодушно перемалывала жизни и тех, и других. Люди вынуждены нападать, монстрам пришлось защищаться. Кристаллы, которые из них выпадали, препятствовали росту Дыры. Другого способа поставить конец света на паузу пока не придумали. По крайней мере, нам о нем никто не сказал.

Люди аккуратно платили дань своими и чужими жизнями, не зная ни времени действия, ни условий контракта, который навязали спасители. Одно из них было особенно жутким: оставленный в Лабиринте человеческий труп оживал и пополнял ряды монстров. Поэтому рейд старался не оставлять за Периметром своих мертвецов. Чтобы замедлить «обращение» их выносили кусками. «Биоматериал», как нейтрально-стыдливо называли погибших, получалось вернуть не всегда. В сложных случаях на помощь приходили чистильщики.

Их, мягко говоря, недолюбливали. Поговаривали, что они добивают своих. Эвакуация раненых – всегда большой риск. В чистильщика вкладывали сотни кристаллов. Именно по ним здесь меряли жизнь. За Периметром люди стоили очень по-разному. Ценность курсанта была почти нулевой.

Эта безжалостность рациональна и потому оправдана. После БАКа существование человечества – это кредит. Вот только кредиторов никто так и не видел. Религиозные фанатики говорят о Спасителе. Хорошо, что их хотя бы не подпускают к Дыре. «Тесей» не поддерживает парадигмы, замешанной на лютом синкретизме духовных концепций, но культисты встречают и провожают в Лабиринт каждый рейд.

Причиной обретения такой привилегии стало сумасшествие одного из ученых. Бедняга сгорел на работе, спятив от перенапряжения и чувства вины. Он собрал пресс-конференцию в ЦЕРНе и сделал объявление о Спасителе и конце света, после чего себя заживо сжег. На следующий день административное здание рухнуло, а на его руинах возник Лабиринт.

Сюжет о безумце появился во всех новостях, но ему не поверили. Только разрушение ЦЕРН подтвердило его правоту. Апокалипсис почти уничтожил науку и вернул угаснувшее доверие к мистике. Ушлые продавцы духовных истин объявили самоубийцу пророком, а растерянность после ужасающей катастрофы породила десятки конкурирующих сект. Выиграла та, что вовремя сдула пыль с древнегреческих мифов. Запаниковавшее человечество обратилось за помощью к старым богам, раз новые его спасти не смогли.

Власти не стали мешать возрождению культа, рассудив, что это поможет справиться с хаосом. Культ и правда помог. Так через века Минотавр вернул популярность. В благодарность жрецам разрешили проводить за Периметром службы. В тот момент даже самые архаичные ритуалы оказались были полезны.

С годами их практическая ценность исчезла, но культистов оставили. За Периметром предпочитали лишний раз ничего не менять. Кто знает, как всё в Лабиринте работает...

Именно поэтому рейдеры оставляют «биоматериал» на специальной платформе перед алтарем Минотавра. Так здесь принято. Его статуе наглядно показывают, как дорого обходится рейд. Идол принимает жертву плотью и кровью для того, чтобы люди искупили свой грех.

Видимо, поэтому Битик брезгливо скривился при виде щедро раскрашенных архидьяконов. Ирония в том, что они совершенно слепы. В память о святом провидце Тиресии, они сами себе вырезают глаза. Возможно, в этом есть некая медитативная ценность. Яркие цвета мира радуют обывателя, но не аскета. Истину скрывают иллюзии. Самый примитивный способ справиться с ними – просто не видеть.

У культа последователей безумца есть свои тонкости, но я бы не хотел в них копаться. Сумасшествия всем хватает и так. Люди умирают по графику, а смириться с ним сложно и клинической психиатрии с избытком. Даже вход в Лабиринт отмечен меткой проклятия: скелет полуразрушенного здания с пустыми глазницами окон, да рыжая земля, на которой ничего не растет.

Милость статуи не поможет нам выжить, и всё же каждый дотронулся до копыта, начищенного до блеска прикосновением тысяч человеческих рук. Большинство из них впоследствии сложили под алтарем, но суеверие опирается на страх, а не логику. В каждом из нас когда-то умер ребенок, а вера в чудо живет.

– Кхм... Итак... – прокашлялся Битик. Его щека чуть дернулась. – Эти раскрашенные клоуны проведут обряд инициации. Хрен знает, что они делают, но это недолго.

К их ритуалам он явно испытывал неприязнь. Не человек – глыба. После прыжков сержант избегал смотреть мне в глаза. Для него курсант Ханса был монстром, для остальных – трусом. Я не переживал. Люди непостоянны как ветер, их мысли как роса на траве. Поднимется солнце и она высохнет. Кому как не мне это не знать?

Тем временем культисты глухо забормотали, затрясли бубнами. Неподвижно стоял только сам патриарх. При мне Ключник впервые почтил рейд личным присутствием. Говорят, раньше он тут стоял каждый день, но теперь слишком стар. Когда человечество накрыло Проклятием, стали умирать в сорок лет, но все, кто был старше, спокойно доживали свой век.

Значит, Ключнику не меньше восьмидесяти. Его лицо скрывало маска, а по осанке оценить возраст трудно. В руках он держал пурбу, видимо, для отсечения страстей и привязанностей. Рваная хламида и железная цепь, накрест перекинутая через плечо, символизировали ограниченность и тщету мирского.

Мы с интересом наблюдали, как патриарх молится над чающим сосудом. Пах тот остро и неприятно. Вероятно, варил там невероятную гадость. Главное, чтобы ей нас не кормил.

– Минотавр! – неожиданный вопль заставил нас вздрогнуть.

Оказалось, Ключник только что выудил из чаши кость. Похожа на птичью, но уж никак не быка.

– Демон, ящер, древо, призрак, жар, двухголовый, дух и змея! – старик кричал каждый раз, когда доставал следующую.

Упав на колени, он трижды простерся, дрожа, как в припадке. Подскочивший архидьякон с неожиданной для слепца ловкостью взял у него опустевшую чашу. Окунув в нее кисть, он быстро замахнулся и брызнул на нас плохо пахнущим содержимым.

Расвирепевший Битик сделал два быстрых шага и свалил его крепкой затрешиной, демонстрируя полное отсутствие душевного трепета.

Мы изумленно смотрели, как бедняга корчится на земле. Что-то пошло не так? Это было заклинанием? Прорицанием? Что за бред нес колдун?

Патриарх простер руки к небу. Архидьяконы радостно поддержали его хороводом.

Интересно, это для культистов является нормой? Здесь каждый раз такой балаган или для нас устроили особое шоу?

Битик поспешил успокоить, повертев у виска пальцем. Дескать, не стоит напрягаться. Полные психи, бывает...

Мы не поверили. Сержант вышел из себя, значит, волноваться стоило. Впрочем, его выходка не помешала обряду. Жрецы продолжали с энтузиазмом скакать. Ребята напряглись. Танцы с бубном понравились только Петровичу, который стал негромко подвывать в такт.

– Милая, ты дашь мне, когда вернемся? – нарочито громко спросил Пухлик.

– Я не занимаюсь сексом без чувств, – мрачно заявила Вилка, взяв Ваньку под локоть.

– Как без чувств? А как же жалость? – подняв брови, Пухлик сложил руки в умоляющем жесте.

Лирой и близнецы прыснули от смеха, но мгновенно посерьезнели, встретившись с жестким взглядом Битика.

– Очумели от дыма? – едва сдерживаясь, прошипел тот.

– А что-то не так? – осторожно спросила Юфирь.

– Всё не так! – отрезал Битик, не желая углубляться в детали.

– Как яд, проникнув в кровь, разносится по всему телу, так и пороки, найдя уязвимое место, заполняют наш ум! – вдруг произнес Петрович.

Никто не понимал, когда он говорит серьезно. Но даже Битик не решался с ним связываться.

Все вновь притихли под заунывное камлание Ключника. Надеюсь, взвод получил максимальное благословление. Глаза слезились – мы пропитались святым дымом, точно копченая рыба.

– Еще раз: сегодня не рейд, а знакомство с Лабиринтом! – напомнил Битик, когда жрец, наконец, заткнулся. – Знакомство, а не резня жроликов, чумных мышей или феечек!

Мы молчали. Лишь Пухлик двусмысленно улыбнулся, видимо, представив резню феечек в красках.

– Малявки не так безобидны, как кажутся. К тому же, могут быть ядовиты, да и кристаллы с них падают редко. Ваша цель чуть крупнее. Двухголовый барсук или кротоёж, к примеру. Хорошо понял, солдат? – Битик повернулся к Лирю.

– Так точно! Барсук и кротоёж. Знакомство, а не резня! – охотно подтвердил тот.

– Что сделаете, если увидите рарника?

– Отступаем, стараясь остаться незамеченными!

– Убедившись, что никого не забыли. Отступайте, даже если рарник – червяк с мизинец! – показал размер Битик.

– Червяк? – рассеянно вторил ему Юлий. Он всё еще зачарованно пялился на остывавший очаг, словно в прострации.

– Особенно если червяк! Подлые, скользкие твари. По одному не ползают. Без дырки в жопу влезут, вы уж поверьте.

Сержант достал платок и озабоченно вытер со лба пот. Похоже, волновался даже больше, чем мы сами.

Но хотя бы к червям, думаю, мы были готовы. Таблицы бестиария в нас вдальбливали целыми днями. Тип, редкость, особенности и среда обитания. Под четыре тысячи только известных видов. И всё время появляются новые.

– Вот вы вошли. Что, если рарник уже рядом и боевой контакт неизбежен? – прищурился Битик.

– Использую агрогенерящую абилку. Вытягиваю на себя, чтобы не сагрить других. Отворачиваю монстра мордой от рейда. Оглушаю, вешаю дебафф замедления... – заученно затараторил Лирой.

– Тьфу! Идиот! – сержант отвесил ему затрещину. – Кто сказал, что эти способности у тебя еще будут? Что ты вообще останешься «танком»? Думать, потом делать! Не наоборот!

– Виноват, – с готовностью согласился Лирой.

– Да ну тебя нахрен, кудрявый! – раздраженно отмахнулся Битик. – Юфирь, ты пойдешь старшей! На первый раз так, а там разберемся.

Лирой обиженно засопел, но промолчал. В душе он видел себя только лидером, отдать власть девчонке унижительней вдвойне. Хотя, так для нас даже лучше. У Юфири есть мозги, только она их лишний раз не показывает.

Логичнее было бы передать руль мне. «Ясновидение» – лучшая сверхспособность для командира, но моя репутация во взводе стремилась к нулю. Битик считал меня исчадием ада.

– Так, ладно... – он хлопнул в ладоши. – Пора. Собрались и пошли.

Взвод развернулся, и мы по одному стали спускаться в провал. Лирой пошел первым, за ним Пухлик и Юлий. Я ростом не вышел, поэтому держался за близнецами.

– Юфирь! – остановил ее Битик. – Держи. Кристалл на вход. – Из мешочка он осторожно вытряс на ладонь янтарное зернышко. – Следующий найдете сами. Без него не выпустит. Верни мне всех живыми! Поняла?

Девушка поправила ранец и улыбнулась.

Мне ее улыбка не нравилась. Нет, с лицом и мимикой всё было прекрасно: приятная, милая такая девчушка. Только вот ее глаза не смеялись. За ними я чувствовал смерть. Много смертей. Вот к кому в голову не хотел бы залезть.

– Ну, с богом... – выдохнул Битик.

Спасибо, сержант, но за Периметром его нет. Лабиринт – территория демонов. Они там уже ждут. Сколько курсантов Битик к ним проводил? Сколько вернулось? Эти мертвецы еще живут в его памяти. Их не забыть, к ним невозможно привыкнуть.

Спустившись на пролёт, я обернулся: Битик молча смотрел, как его взвод уходит навстречу судьбе. Одинокий силуэт на фоне безмятежного неба. Он отпускал нас. Теперь мы одни.

В уме холодной змеей скользнуло гадким предчувствием. Прощай, храбрый солдат. Никто из нас не вернется. Мы больше не увидим тебя...

5

Ворота в иномирье я представлял по-разному: булькающее маслянистое озеро на дне провала, пещера, наполненная зловещими шорохами, или черный портал, обьятый языками адского пламени. На деле же коридор привел нас к большому грузовому лифту.

Стены вокруг исписали так плотно, что вставить хоть строчку казалось бы некуда: тысячи дат, имен, мест. Прощания, последние просьбы, молитвы. Новые надписи перекрывали старые, а одну из свежих, видимо, писали кровью: «Мы прокляты! Будьте и вы прокляты!».

Тревожно мигала тусклая лампочка, пахло мочой и фекалиями. Ни цветов, ни фанфар, ни воодушевляющих на подвиг речей. Приемник кристаллов стилизован под архаичный аппарат с газировкой.

Юфирь вышла вперед и по-женски аккуратнo положила зернышко кристалла в узкую щель. В приемнике тихо звякнуло. Несколько секунд ничего не происходило.

Не пустит?

Бам-м-м!

Где-то внизу словно ударили в колокол. Ванька ойкнула, Пухлик чертыхнулся. Юлий отшатнулся и наступил мне на ногу. Петрович не к месту и не ко времени захохотал, перепугав всех еще больше.

С лязгом открылись двери шлюза. Лирой, не задумываясь, шагнул в него первым и исчез в темноте.

Не сомневаюсь, что вот так же он прыгнул бы и в пустой колодец. Спинной мозг не проверяет наличие лифта. А головной там с грецкий орех, если не меньше.

– Лирой? – осторожно позвала Юфирь, взглядываясь в темноту.

Никто не ответил.

– Лирой? – раздраженно повторил я.

Наверное, кудрявый пугает и, довольный, мстительно ржет за углом.

– Что делаем? – прошептал Пухлик.

– Поскольку ум бестелесен, никто не сумеет причинить ему вред. Но он привязан к телу, и потому терзают страдания, – уверенно заявил Петрович и, лыбясь во тьму, сделал шаг, после чего тоже исчез.

Пухлик закатил глаза, я зябко поежился. Бородач умел воодушевить так, что становилось только хуже. Нам не сказали, что вход будет выглядеть именно так.

– Похоже, это нормально... – попыталась убедить нас Юфирь. – За мной!

После девушки мяться в сомнениях стыдно. Мы переглянулись, подбадривая друг друга взглядом.

Близнецы и Юлий ушли. В груди тревожно ёкнуло. Теперь моя очередь. Как будто надо сделать не шаг, а минимум затяжной прыжок.

В голове мелькнула сумасшедшая мысль, что никакого Лабиринта нет. Он только в нашем уме, а внизу камера с дурманящим газом, где мы будем резать друг друга. А после глюков выжившие выносят останки. Им всё это кажется. Откуда кристаллы? Их подбрасывают!

Я лишь секунду топтался на месте. Вилка презрительно фыркнула и, отодвинув меня, потащила упирающуюся Ваньку вперед.

Да пошло оно всё... Я сделал ровно три уверенных шага. Четвертого не было. А через долю секунды не стало меня.

Сколько прошло времени? А кто смог бы его посчитать?

Если мрак забытья – смерть, то первые мысли – рождение. Сознание вспыхнуло в тот же момент, как погасло. Без перехода и полутонов, без промежутка. Заметить и осознать их было бы некому. Мир возник одновременно со мной.

Солнышко, ромашки, жучки-паучки. Хорошо, пока маленькие. Один заметно крупнее. Чистит хелицеры прямо у меня на груди. Глазаст, волосат и самоуверен. Неприятная тварь. Лишь бы не рарник.

Только не дергаться. Мало ли кто еще пасется вокруг...

Осторожно шевелю пальцами. Медленно приподнимаю голову, чтобы посмотреть на себя.

Руки-ноги на месте. Вроде бы нормальные и человеческие. Хорошо, не получил вместо них плавники или ласты. Шутники из Шестого пугали, что бывало и так.

Страхиваю с комбеза паука, ошупываю экипировку. Универсальный модуль не поврежден, ранец на месте. Теперь своих бы найти.

Встав на колени, оглядываюсь. Что-то никого больше нет. Возможно, пришел в себя первым. Трава достаточно высокая, чтобы спрятать тела.

Так и есть. Вижу, что метрах в двадцати от меня примята трава. Наверняка там кто-то из наших.

Медленно сокращаю дистанцию, стараясь ползти бесшумно и плавно. Нет ничего заметнее резких движений. Эта умиротворяюще пасторальная картинка могла быть обманчивой. Еще не хватало кого-нибудь сагрить.

Хм... Вилка. Живописно.

Девушка лежала на спине, по-детски безмятежно раскинув руки.

Вероятно, латиноамериканские корни. Высокие скулы, нос с горбинкой, резко очерченные, упрямые губы. Она всегда их красила черным. Роскошное и сильное тело. Огонь, а не женщина. Мечта настоящего рейдера. Наш бравый Битик глаз от нее не мог оторвать.

Жива?

Я потянулся проверить на шее пульс. Над вызывающе высокой грудью моя рука на мгновение дрогнула.

– Полапать хотел? – обожгли блестящие и темные как маслины глаза.

– И не мечтай! – раздосадовано буркнул я. Конечно, хотел. А кто бы нет?

– А Ванька? Где Ванечка? – Вилка вскочила, будто подброшенная мощной пружиной.

– Сядь, дура! Сагришь же! – я дернул ее за руку, заставив сесть. – Никуда не денется.

Дрыхнет где-нибудь.

– Так! Быстро распаковываем модуль. Разделимся. Ты на юг, я на север! – как в лихорадке забормотала она.

– Хорошо, – согласился я, – только не бесись. Все тут, всех найдем.

Демонстративно спокойно я принялся возиться с модулем. Черный ящик, два ремня, три зажима. По-военному грубо и незатейливо. Удивительнейший агрегат.

Физика в Лабиринте своя, и многие технологические плюшки в нем не работают. А вот модуль работал. Причем, только здесь.

– Готова? Давай первая.

– Давать? – тупо переспросила она, механично заправляя роскошные волосы в хвост. Все ее мысли крутились только вокруг запропастившейся Ванечки.

– В другой раз, но спасибо. Модуль открой, посмотрим, что выпало.

С Вилкой лучше не шутить, но сейчас риск был минимальным. Торопливо откинув крышку ящика, она ошеломленно замерла над его содержимым.

Сюрприз. Конечно же, ждала ножи – кривые и острые, как бритва. Но в модуле лежала простая хилерская булава. Базовый уровень: рукоятка из темного дерева на кожаном ремешке и железное навершие с шипами. Скорее, почетный атрибут, чем боевое оружие. От лекарей многого и не требовали. Силы и легкие раны они восстанавливали, но чудес не творили.

– Так ты теперь хилер? – я удивленно открыл рот. Трудно представить нашу кровожадную фурию в столь неожиданной ипостаси.

– Вот суки! – выругавшись, она зажмурилась. Видимо, читала с внутренней стороны век, что ей досталось. Интерфейс появлялся, как только разблокировался класс и первый навык.

Сейчас мы узнаем, чем нас будут лечить. На всякий случай я отодвинулся от Вилки подальше. Она крута, как вареное яйцо живоглота. Огреет булавой так, что не вылечит.

– «Умиротворение», «Цветок лотоса»! Да они охренели! – взвывла Вилка, сжимая от ярости кулаки.

– Сразу два навыка. Отлично! – с фальшивым оптимизмом поддержал я.

Кто – «они»? Каким чертям она молится? Благоразумнее не уточнять. На самом деле, хуже некуда. Из нее хилер, как из меня балерина.

Похоже, заразился от Битика армейским юмором. Его послевкусие еще со мной. Застряло, как крючок в жоп... .

Вот! Опять его выражение. Отходить после «перевоплощений» всегда нелегко. Каждое оставляло что-то своё. Ум точно одеяло из разношерстных кусков. Отрезать их трудно.

– Спеллы не сложные. Быстро привыкнешь, – попытался успокоить я.

Может и привыкнет. Но хорошим хилером точно не будет. Не ее класс. Спишут к чертовой матери. Сильная женщина останется собой в любой роли. Резать умеет, научится и лечить. Главное, чтобы ребята нашлись.

Вот со своим навыком я могу быть кем угодно. Хотя бы потому, что его нет. «Ясновидение» всего лишь ширма, поэтому мне подойдет любой. А с Вилкой всё по-другому. Ей такая лажа досталась...

Первое заклинание годится только мелких зверюшек ласкать. Второе бросает слабенький круговой хот в небольшом радиусе. Не бог весть что, но терпимо. На троечку из десяти. Хорошие хилерские спеллы гораздо мощнее.

– Ты! Теперь ты! – свирепо потребовала Вилка, подталкивая меня к модулю. Должно быть, жаждала еще более нелепого выбора.

Женщины нетерпеливы, а спешить не хотелось. Я осторожно провел рукой по поверхности ящика, будто успокаивая дремавшего зверя. Легонько потряс. Потряс. Прислушался. Даже не гремит.

Поразительно, но сейчас в модуле ничего нет. Ведь до его открытия вес не меняется. Там генерируется предмет, как только щелкает последний замок. Еще одно чудо, оставленное для нас кем-то.

– Давай живее! – нетерпеливо заерзала Вилка. – Член свой так будешь гладить! Нам некогда!

Я поморщился, но промолчал. Так что приготовил для меня Лабиринт? Статистика самая точная из лженаук, но даже та в нем работает криво. Она как психиатрия – подтвердит или опровергнет что угодно. Причем одновременно и сразу.

Крышка откинулась, глухо стукнув о землю. Ее вместо меня открыла Вилка.

Я не успел возмутиться. Внимание захватил амулет, лежавший на дне ящика. Витой кожаный ремешок, серебряная волчья морда с рубиновыми глазками. А рядом железная перчатка с когтями-лезвиями.

Класс понятен. В интерфейс можно даже не заглядывать: «Одержимость». Не самая обычная сверхспособность. Такую же вытянула себе Варя. Совпадение?

– Сучий стыд! Но почему не мне? – заламывала руки Вилка. – Еще что-нибудь? «Призыв драка»? «Взрыв разума»? Давай, жги! Не мелочись!

Я закрыл глаза, и тут же проявились два мерцающих шара: зловеще-кровавый и ярко-желтый, сияющий изнутри. Индикаторы жизненной силы и энергии. Над ними короткая надпись-подсказка:

Класс «оборотень». Доступный навык: «Одержимость».

Неплохо. Перевоплощение в зверя. Первый базовый уровень. Жаль, пока без модификаторов и боковых веток.

– Ну? – толкнула Вилка.

– Больше ничего. Чисто, – скромно объявил я, чтобы не злить.

На солнце волчьи глазки амулета горели ярко-алым. Действительно, повезло. Примерно восемь из десяти. А для меня, пожалуй, «десятка». Не придется объяснять, почему в бою я нем как рыба. Лигу-то выиграл одиночную.

– Тьфу на тебя! Какой нахрен «наводчик»? Кому подлизал, чтоб так выпало? – Вилка ревниво наблюдала, как закрепляются на предплечье ремни с когтями.

– Думаю, наши вон там за деревьями, – я показал направление, невольно демонстрируя, как ладно на руке села перчатка. – На лугу мы их бы увидели.

– Я на двенадцать часов, ты на шесть...

Командует? Ну уж нет! Пусть руководит своей Ванечкой.

– Нет, солнышко. Разделяться не будем. Тщедушного хилера надо беречь, – съязвил я, упиваясь моментом.

Хрясь!

Вместо ответа ее булава размазала в кляксу нежную феечку.

Пестрые стайки этих красавиц висели над цветами, точно колибри, наслаждаясь нектаром. Теперь до них добралась Вилка. Вымещая тревогу, она кастовала «Умиротворение» и, дождавшись кроткой улыбки на личике жертв, безжалостно сносила им голову.

Я старался ее успокоить, но Вилка словно не слышала. Видимо, представляла Ваньку, трепыхавшуюся в чужих страшных лапах. Скорее бы ее уж найти...

Мы прочесали весь луг, но безуспешно. Ребят не могло разбросать так далеко от точки входа. Не растворился же взвод? Наверняка они тоже нас ищут. Надо расширить круг поиска.

Мы потратили на это еще час – и опять никого. Вилка мрачнела всё больше, но махала булавой с точностью машины, оставляя цепь мертвых феечек за собой. Найти нас по такому следу легко – что людям, что монстрам. С ее целеустремленностью рано или поздно наткнемся на рарника, а нас всего двое.

Никогда не слышал, чтобы рейд разбрасывало по локации. По крайней мере, Битик о таком не рассказывал. Как и о многом другом, что сейчас пригодилось бы. В две недели полноценный курс впихнуть невозможно. Проблема явно необычная, но за прошедшие сорок лет с такой наверняка уже сталкивались. Правила и нормы устава пишутся кровью, и нормальный рейдер их должен знать наизусть. У нас же взвод ненормальных и это всё объясняет.

– Стоп! – я резко остановился, предотвратив убийство очередной феечки. Благодарно пискнув, та скрылась в норе.

– Что еще? – мрачно спросила Вилка, неохотно опутив булаву. Покрасневшие глаза, забрызганный кровью комбез. Даже с хорошо развитым воображением трудно заподозрить в ней хилера.

– Если мы вошли, то портал в любом случае должен быть рядом. Верно? Ну, не феечки же его перенесли.

– А они могут? Зачем это им? – она устало присела на корточки и закрыла глаза. Соображала, видимо, уже совсем плохо.

– Из вредности. Недолюбливают они тебя. Расслабься, шутка такая, – натянуто улыбаясь, сообщил я. Исчезновение чувства юмора – очень тревожный симптом. Лечить пора саму Вилочку.

– Шутка, да? Тебе весело? – с угрозой спросила она, покачиваясь на носках. Должно быть, в мыслях хоронила Ваньку.

– Наверху ведь портала нет?

– Нет, – согласилась она, предварительно посмотрев в небо. – Издеваешься?

– Здесь тоже нет. Значит, внизу! – удовлетворенно заключил я. – Где-то под лугом должна быть пещера. Надо поискать вход.

– Мы прочесали всё вдоль и поперек. Нет никакой пещеры, – недоверчиво покачала головой Вилка.

– А кто сказал, что она здесь? Портал, как и положено, в нескольких метрах от точки, где мы очнулись. Только внизу. А вход в пещеру может быть где угодно.

– А вдруг его вообще нет? – ахнула она, переменившись в лице. – Вдруг там подземная река или пустоты в горной породе?

Замкнутое пространство? Тогда ребятам конец. Будем надеяться, что путь вниз всё-таки есть. По вертикали между нами могло быть всего несколько метров. По горизонтали, возможно, придется петлять километрами.

– Попробуем копать сверху? – Вилка опустила на колени, всерьез собираясь расширить нору, куда только что юркнула феечка.

– Чем? Когтями? Я похож на экскаватор? Будем искать еще дальше.

– А если придут, а нас нет?

– Не волнуйся. Твой феечный геноцид расскажет. Но мы перестрахаемся, – моя ладонь покровительственно легла ей на плечо.

Вилка зыркнула, и я поспешно отдернул руку. Не больно-то и хотелось. Хорошо, не откусила. Приручалась женщина плохо, но командовать уже не пыталась. Инициатива окончательно перешла ко мне.

Мы воспользовались популярным пиратским приемом: выложили из трупиков указатель, благо недостатка в них не было. Если в той стороне ничего нет, вернемся и поменяем направление стрелки.

Но логика подсказывала, что вход в пещеру должен быть там. Луг опоясывал длинный овраг, а на его дне шумела вода. Я знал, что при растворении известняка образуются обширные карстовые полости.

Мы разделились, чтобы просмотреть оба склона. Ручей выглядел неглубоким, но бурным. На месте чудовищ я бы прятался там. Вода буквально кипела, а обилие порогов не позволяло рассмотреть дно. Прогретый солнцем лужок был почти безопасным, но здесь могла водиться тварь гораздо серьезнее.

«Подожди!» – завопил я, видя, как Вилка переходит вброд.

Воодушевленная надеждой, совсем забыла об осторожности. Всего на мгновение оставилась, а потом пренебрежительно махнула рукой. Воды ей примерно по пояс. Море тоже было бы по колено – преграду красotka форсировала с грацией уверенного в себе хищника. Волосы, собранные в конский хвост, слегка покачивались в такт высокой груди.

Говорят, бесконечно можно смотреть на три вещи: как горит огонь, течет вода и работают другие люди. Вилку, обтянутую мокрым комбезом, можно смело добавлять в этот список.

Я поймал себя на мысли, что Варя бы мигом открутила башку за созерцание этого зрелища. Будучи монстром, она сделает это быстрее. Я бы с радостью согласился на любой акт ее ревности. Лишь бы узнала.

Возможно, это как раз она плывет к Вилке. За девушкой появился отчетливый кильватерный след.

– Сзади! Сзади! – завопил я что есть мочи.

Мой крик раздался почти вовремя. Она услышала и обернулась, но это «почти» едва не стоило ей жизни.

Над водой поднялась уродливая треугольная голова. Шесть маленьких глаз в два ряда и клыки длиной в палец.

«Брызговик. Рарник второго-третьего уровня», – прошелестели в уме строчки хорошо вызубренного bestiaria. Тварь минимальной рейдовой сложности.

Но рейдовой! На десять, а не на двух человек!
«Одержимость»!
Я расслабился и закрыл глаза, погружая себя в темноту.

6

* * *

Тело среагировало раньше, чем я поняла, что кричит Ханса. На суше это был бы прыжок с перекатом, но в воде получилось лишь упасть влево. Что-то зашипело, сверкнуло чешуей и ударило туда, где только что стояла я.

Поднятая волна накрыла с головой. Лицо расцарапало песком и галькой. Главное – не стоять на месте, танцевать, всё время смещаться!

«Скрытность»!

Дура! Какая «Скрытность»?! Я ж теперь хилер!

Драгоценное мгновение потрачено зря. Бок обожгло болью.

Рывок влево! Там мель!

Без былых классовых навыков двигаюсь очень медленно, сейчас еле ушла. К тому же словила дебафф. Протереть бы лицо, но даже на это нет лишней секунды.

Пока барахталась, едва не попала – клыки щелкнули рядом. Из раззявленной пасти несло тухлой рыбой и водорослями.

Двигаться! Я жива, пока двигаюсь!

С трудом выбралась на мель. Воды тут по колено, и дно плотнее. Ноги ватные, на них словно чугунные цепи.

Прыжок. Еще один.

Тварь не отстает, но опаздывает на миллисекунды. Брызговик себя не жалеет. Мордой бьет, точно сваи вколачивает. Что может с ним сделать эта жалкая булава? Залечить до смерти?

Где чертов Ханса? Чего ждет?

Шаг в сторону, с трудом уклоняюсь от очередного нырка. Треугольная голова снова летит вниз, а в руке будто не оружие, а клюшка для гольфа.

Беречь глаза! Он еще и плюется!

Хрясь!

Черенок ломается, оставив в руке лишь огрызок, а монстру хоть бы хны.

Чувствую, что слабею. Видимо, кровотечение. В горячке боль приглушена, но голова уже кружится.

Я же хилер! Как это запомнить?

«Цветок лотоса»!

Тьфу ты... теперь откат десять секунд!

По привычке скастовала на монстра. Он и так чувствует себя неплохо. Лебединая шея, блестящая чешуя, злые глазки сверкают, как стразы. Страус-тритон. А скорее, гусь-рыба.

Таки добралась до берега. Под ногами твердая почва, но бежать бессмысленно. Брызговик шустр и догонит легко. Первое же попадание станет последним.

Где Ханса? Струсил? Опять?

«Цветок лотоса»!

Волна живительного тепла приятно прокатилась по телу. Последние несколько секунд танцевала на автомате. Кувырок вперед, перекаат, и так по кругу. Оглушенная и почти слепая.

Слава богам, что монстр туп как пробка. Ключнул бы на опережение – и всё бы сразу закончилось. Да и так скоро закончится. Дыхалка явно не роговская, бонусов к ней у хилеров нет. Выносливость ни к черту. Нанести бы хоть какой-то урон!

Нет, опять промазала. Мне конец. Зачем тяну время?

Ванечка, доченька... Родная, прости. Я так и не смогла признаться тебе...

«Цветок лотоса»!

Ой! Кто это?

Тикающий хот вернул зрению ясность. За брызговиком теперь кто-то был. Из-за сверкающей на солнце чешуи не сразу заметила.

Барсук!

Крупный и мокрый. Пожалуй, неестественно крупный. Но не двухголовый. Разве такие тут водятся? Брызговик его сагрил?

На барсучьей лапе блеснуло оружие.

Когти! На ремнях!

Ханса! Зверюга тупая, почему так мелко-то? Почему в барсука?

На арене мне «одержимые» не попадались. Навык редкий, но несколько боев с ними смотрела. Волки, тигры, медведи... Настоящий зверинец. А какой у них первый, еще не прокачанный облик? Вероятно, барсук.

Без поддержки не прожила бы так долго. С Хансой на хвосте попасть в меня брызговик не сумел. Былых навыков уже нет, но вернуться умею.

Ханса тоже умел – и прыгал, как только монстр промахивался, выбив очередную воронку в земле. Терзал когтями, вгрызался в хребет. Брызговик шипел от боли, яростно оборачивался, но барсук ловко спрыгивал и прятался в норах. Благо их тут полно. Феечки расстарались.

Выкапывать вредоносного барсука долго и трудно. Да и зачем, если есть цель проще? Я слабею и едва волочу ноги.

«Цветок лотоса»!

Облегчение от хота длится недолго. Мокрый от крови комбез будто свинцовый. Упёртая тварь вот-вот закроет насмерть. Открытая рана медленно вытягивает из меня жизнь. Брызговик оправдывал имя на все сто процентов. Выбитые из земли камешки летят, точно шрапнель. Воронки повсюду.

Да уж... Амортизатор у него в бронированной башке, как у дятла. Мозг комфортно плавает в водяной сумке, никаких потрясений. Мне бы такой. Думать им все равно не умею...

Нет, умею! Ручей внизу, обрыв рядом, сил больше нет. А решение есть!

Рарник в очередной раз сагрился на удачно тяпнувшего его барсука. Я воспользовалась паузой и не стала ждать новой атаки. Так и сиганула с обрыва. Ткань мокрая, но костюм-крыло раскрылся и кое-как отработал своё.

Фух!

Так, я на другом берегу. Едва дотянула. На крайний случай есть еще ранец. Неприкосновенный запас, жечь драгоценный газ буду в последнюю очередь.

Лечь. Перевести дух. Рана выглядит скверно. Аптечка: противоядие, антибиотик. Залить клеем. Выкарабкаюсь. Мне есть, для кого жить.

Обиженный щенячий визг заставил вздрогнуть.

Ханса!

Хренов страус таки достал. Но раз кричит, значит, жив. Отсюда хилом не дотянусь. Нужно вернуться, но сначала остановить кровь. Посидел бы в норе, зачем вообще вылез?

Как слышала, в звероформе интеллектом не блещут. Человек становится не умнее собаки. Зато – рефлексы и скорость. В коротком бою больше не нужно, но сейчас не тот случай. Урон по твари идет небольшой, но измотать ее можно.

Перед плевком монстр как бы надувается, гремит бронированной чешуей. В ней появляются щели, она открывается, а жабры особенно уязвимы. Нужно только попасть. Повесить дебафф кровотечения и набивать стак за стаком. Терпеливо, не подставляясь.

Поймать на плевке. Ударить. Сбежать в нору. Вылезти с другой стороны. Повторить цикл. Почему Ханса так не может?

Набьет максимум стаков – тварь ляжет сама. Проще простого. Только как объяснить это животному?

Новый визг. Скорее, рёв. Но теперь уже не барсука, а чертова страуса.

Отлично! Молодчина! Умненький ты наш, разумненький! Так продолжай!

Не выдержав, я вскочила и бросилась на помощь.

Рана еще саднила, но ничего, заживет. После хорошего удара рарник сядет на барсука, как приклеенный.

На этот раз через ручей бежала с опаской. Брызговики вроде бы парой не ходят. Не зацепить бы еще одного.

К моменту, когда, наконец, забралась на обрыв, всё было кончено. Поверженный монстр лежал, дрыгая лапой в агонии. Барсук с утробным урчанием выедал жабры. Услышав шаги, он повернул морду ко мне, и заплывшие кровью глаза страшно блеснули.

Ах, жуть какая! Это не взгляд тупого животного, а...

Не знаю, что это! Что-то ужасное, безжалостное и древнее, как само время. Нет, не Ханса! Это демон-барсук!

Наверное, я взвизгнула и отскочила. Эти несколько мгновений даже не помню. Помню, что было невыносимо страшно.

Голова закружилась. Я села, вернее, рухнула на землю, закрыв руками лицо.

На демона нельзя смотреть! Если вылезет, то... сожрет мою душу! Выест нутро, как сейчас эти жабры!

Горячий барсучий нос ткнулся в руку. А потом теплый шершавый язык начал лизать рану. Я дёрнулась, завизжала, но не смогла вскочить. Парализованная страхом, с трудом даже дышала.

Следующие несколько минут прошли в горячем оцепенении. Кажется, я плакала, погрузившись в тягостный и бесконечный кошмар. Мелькали неясные тени, гасли и зажигались звезды, а я бродила по ним в полубезумии.

Не знаю, сколько прошло времени. Может, секунды, а может, и час. Когда очнулась, то грело солнце. Ветер высушил слезы, тварь тепло сопела мне в бок.

Демон-барсук беззаботно дрых у меня на коленях. Тяжелый, безмятежный и мирный, как небо. Просто животное.

Шок? Яд? Паническая атака? Привиделось?

Я осторожно растегнула комбез, чтобы осмотреть рану.

Ахнув, отдернула руку. Снова пощупала. Той темной кровавой дыры больше нет. Не осталось и шрама!

Но я не могла так себя вылечить. Никто не мог! Значит, барсук?

Ханса вернется, когда откатится «одержимость». Сколько ему еще надо времени? Ваня! Нужно искать мою Ванечку!

Но обессиленного и спящего барсука оставить нельзя. Феечки почуют и сразу сожрут.

Я чувствовала, что на грани. Кажется, еще минута и точно свихнусь. Болезнь вернется, а мне надо жить. Сходить с ума больше нельзя. Не сейчас. Только не сейчас. Когда через столько лет, наконец, нашла свою девочку...

* * *

7

Моя голова удобно лежала на женских коленях. Я любовался чистым небом и видом на бюст, заслонявшим его почти полностью. Оба выглядели идеально, а столь редкое совершенство пугливо и неустойчиво. Любое неосторожное движение грозило разрушить гармонию.

Я бы и не двинулся, но психическое состояние Вилки внушало серьезные опасения. Ее пальцы гладили мои волосы, по лицу блуждала улыбка, а в голосе, напевавшем нелепый стишок, слышались оттенки безумия:

«Тихо в лесу, только не спит барсук.

Яйца свои он повесил на сук, вот и не спит барсук...»

– Вилка? – беспокойно спросил я.

Ее ресницы растерянно вздрогнули, по лицу словно пробежала легкая тень. Через секунду оно приняло обычное, мрачно-скептическое выражение.

– Чего тебе? – грубо спросила она, механически продолжая меня поглаживать.

– Ничего. Мы молодцы. Верно?

– Да, молодцы, – рассеянно согласилась Вилка.

Я чувствовал себя виноватым. Псевдо-барсук испугал бедную до смерти. Я и сам был напуган, поскольку видел его через нее. И если своеобразное восприятие Битика можно списать на червя, то чем объяснить этот парализующий Вилкин страх?

Ей тоже показалось? С психикой, как выяснилось, там не всё гладко. Как и у Битика. Но галлюцинации разных людей не могут одинаковыми. В обоих случаях причиной нервного потрясения послужил я. Вернее, оставленное на время тело. Когда я дома, всё в порядке. Стоит уйти, и в него подселается нечто ужасное. Чертовщина какая-то...

Мне приходилось путешествовать по очень разным умам. Видеть хорошие, плохие и уж совершенно ужасные вещи. Воспринимать мир чужими глазами, ушами, всеми известными и неизвестными органами чувств. Но вот таких спецэффектов еще не было. Возможно, дело всё же в расшатанных нервах. Вилка и Битик слегка не в себе, поэтому и видят эту невероятную жуть. А что если увидят уже психически абсолютно здоровые? Тогда нездоров уже я. Или тот, кто во мне.

Кто или что это? Кем и чем может быть? Сидит ли оно внутри постоянно или заходит, когда меня нет? Как запереть от него собственный ум? Где задвинуть запоры, повесить замок?

Без необходимости я и так старался по головам не шастать. Теперь же, и шаг за порог сделать страшно. А придется. Без «Одержимости» я не боец, балласт группе не нужен. Только вот где она, группа?

– Нам пора! – Вилка решительно встала.

– Подожди, – попросил я. Затылок разочарованно остывал, потеряв контакт с ее коленями. В мире не так много приятных вещей. Почему-то он доверху забит неприятными.

– Чего тебе? – по-женски подозрительно посмотрела она.

– Давай хоть брызговика полутим. От твоей булавы только огрызок.

– А, точно! – Вилка досадливо поморщилась.

– Смотри первая, – великодушно предложил я. – Булава нужна, чтобы хилить. Хи-лить. Бить ей по бронированной башке дорого и неэффективно.

– Так ты всё помнишь? – опасливо покосилась на меня Вилка.

Даже больше, чем хотел бы. Выглядела она немного старше Ваньки. Их ведь считали лесбиянками. А вот поди ж ты... Родная дочь...

– Одержимые не теряют сознания или памяти. Звероформа лишь изменяет мозги! – подчеркнул я, предупреждая вопрос.

Правда, в моем случае они менялись особенно сильно. Но это не прыжки некой «души» между «точек осознанности». Сознание меняет маски, как мы одежду. Так расплавленный свинец остывает в форме. Мы и есть эта форма. Без содержимого нас попросту нет. Мы изначально пусты.

К счастью, Вилка уточнять детали не стала. Без непосредственного опыта такое объяснить сложно. Не склонный к рефлексии ум быстро запутается. Надо хоть раз самому это увидеть. Я же повидал достаточно.

– Ты уступаешь? Уверен? – Вилка положила свой модуль рядом с поверженным монстром. – Это ж ты его съел. Лут твой по праву. Лечить и без булавы можно.

– Пф-ф... Без нее можно многое, но хилить лучше с ней! – фыркнул я, демонстрируя безразличие к шмоту и славе.

Лучшей наградой сейчас стал бы секс. Конечно же, только для того, чтобы спровоцировать Варю. По крайней мере, хотелось в этом себя убедить.

– Как хочешь... – буркнула Вилка, шелкнув застежкой на модуле.

Наш первый лут! Наш первый рарник!

Я старался выглядеть невозмутимым, но внутри дрожал от нетерпения. Нас всего двое, и шанс получить что-нибудь ценное выше. Особенно для того, кто открывает первым. Трофей будет усиливать только его.

– Кристалл! – Вилка осторожно передала мне увесистое янтарное зернышко.

Оно казалось теплым и приятно грело ладонь. Стоит потереть и растает, как масло. Вот за такими и охотится рейд. Сколько же их Дыра уже съела...

Отлично! Основную задачу мы выполнили даже вдвоем. Осталось найти своих – и домой. И так затянулось, на первый раз впечатлений хватит. А Варю я рано или поздно найду. Дальше пойдут твари серьезнее. До них нам еще расти и расти.

Рейд ветеранов Лабиринт бы высадил не сюда, а в адское пекло к монстрам постарше. Точка и сектор входа зависят от уровня рейдеров, а новичков, как правило, кидает в самое безопасное место. Минотавр трогательно заботится о корме для монстров, давая ему подрасти.

– А это что? – спросил я, заметив, что на дне ящика лежит еще что-то.

Это был амулет – черная капля на белом металле. Крохотный, не сразу увидишь, но мы знали о нем по каталогам. Как оказалось, редчайший предмет.

– «Вдовья Слеза»! – округлила глаза Вилка. Она отодвинулась, давая рассмотреть вещь.

Уникальный артефакт с первого рарника? Этот амулет навсегда лишил способностей хилера, но давал «Поглощение жизни». Сильный дамаг, отличный дебафф. По сути, смена класса. Для нас – обмен шила на мыло. Кастер из Вилки такой же, как хилер. Лабиринт попросту издевался над ней.

Все эти трофеи так и останутся в нем. Они подобны богатству во сне – сколько ни соберай, с собой не возьмешь. Поэтому модуль используется, как персональная ячейка хранения. Он материализует предмет вновь, когда рейдер вернется. Контрабандой отсюда можно вытащить только кристаллы и мертвецов. Возможно, еще червя, как у Битика. Но тот уже скорее проекция, а не реальный объект.

– Будешь брать? – почему-то шепотом спросил я. Казалось, стоит заговорить громче, и драгоценный уник растает, как дым.

– Не знаю... – ответила она так же тихо. – А что, если Ваня больше не хилер? Кто тогда будет лечить?

– Ты права, – согласился я. – Закроешь крышку – лут исчезнет. А со «Слезой» больше никогда не сможешь лечить.

– Я понимаю, – кивнула она. – Так что же нам делать?

Модуль сейчас даже трогать нельзя. «Есть ли у нас другой хилер?» – вот в чем заключался вопрос. Что, если нет? Рейд неудачно начал и мог страшно закончить. Всё сразу же пошло криво. Градус аномальности просто зашкаливал.

– Давай не будем спешить с выбором, – подумав, предложил я. – Оставим модуль здесь. Как найдем своих, вернемся за ним.

– Оставить? Никогда! – яростно запротестовала Вилка. – Лучше уж выбросить «Слезу»!

– Которую доставали в Лабиринте всего несколько раз? Лет пять или десять назад? Когда еще встретится что-то подобное? Да никогда! Этот амулет на красных страницах учебников! Да и кто стащит модуль? Кому он здесь сдался?

Вилка насупилась и замолчала раздумывая. Феечкам, он понятно, не нужен. Если только кто раздавит случайно или пси-ворона утащит в гнездо. С другой стороны, модуль настраивается и выдается лишь раз. Он закрепляется за бойцом пожизненно.

– Ты хоть понимаешь, что не нужна «Тесею» как хилер? Тебя ведь спишут. А со «Слезой» уже не факт, – продолжил убеждать я. Это был сильный аргумент, учитывая, что Вилка не хочет расставаться с дочкой.

– Не дура, всё понимаю... – огрызнулась она.

– Хочешь, посиди, а я тут порыскаю, сам поищу?

Она отрицательно помотала головой. Действительно, не вариант. После битвы с матерым рарником разделиться было бы глупо. Слишком опасно. Наши ребята не могли пропасть просто так.

На всякий случай мы забросали модуль ветками. Вот только он стал еще приметнее. Скорее ограда, чем маскировка. Но воровать здесь некому.

Начинало темнеть, и вдоль ручья теперь пробирались с опаской. Ночная смена монстрятины, как правило, злее и гораздо проворнее.

– Нашла! – заорала Вилка, радостно махая руками. Брызговик так и не научил ее осторожности.

Вход в пещеру закрывала высокая густая растительность. Из нее бил ключ, подпитывая ручей холодной водой. Неудивительно, что чуть не прошли мимо.

– Стой! «Скрытности» больше нет. Ты хилер, так? – напомнил я, успев поймать Вилку за локоть. Материнский инстинкт едва не угнал ее внутрь, а эти кустики мне очень не нравились. Ветки подозрительно поворачивались, отслеживая любой звук.

– Видишь? – наклонившись, я осмотрел останки феечки.

Листья свернулись вокруг ее тельца, точно сигара. Верхняя половина еще торчала из кокона, а нижнюю растение переварило, оставив голый хребет без мяса.

– Дерево Желания? – Вилка отступила скривившись. Плотоядный куст ей дружелюбно помахал колючками. Наверняка ядовитыми.

– Нет, этот жрет без посредников. Не лезь вперед, солнышко. Не будь, как она, – показал я взглядом на трупик. – Ты ведь не Лирой. Не надо так делать.

Вилка фыркнула, но промолчала.

В пещере окутал смрад гнили и разложения. В углах зловеще шуршало, с острых как бритва, сталактитов капало рыжим. Мы достали из ранцев по факелу, но света от них мало. Надолго не хватит. Чуть дальше от входа что-то фосфоресцировало в темноте. Радужные полосы подсвечивали подземные коридоры, точно разметка на автобане. Нас будто приглашали по нему прокатиться.

Я провел по стене пальцем и осторожно понюхал – вязкая, без запаха, слизь. Кто или что ее здесь оставляет?

Раздался писк и хлопанье десятков, если не сотен, кожистых крыльев. Вилка сильно дернула меня за плечо, заставляя пригнуться. На этот раз зевнул уже я. Бывших рог не бывает. Ее рефлексы быстрее даже без бонусов.

Мы упали на землю, пропустив пищащий рой над собой. Летунов-жопогрызов что-то спугнуло. Стремительный и плотный поток выдуло из пещеры черной волной.

По классификации бестиария примерно «Д-7». В стае эти подленькие твари чрезвычайно опасны. Куснут и отлетят, освобождая место другой. Визжащий конвейер оскаленных пастей дезориентированную цель очень быстро сожрет.

Странно, ни одна не напала. Почему? Из-за факелов? Вряд ли. Свежему мясу жопогрызы бы только обрадовались. Это был побег, не атака. Значит, в пещере сидит кто-то страшнее. Радужный след на стене намекали на опасную рарность.

Улитка-слепец? Но их здесь отродясь не водилось. Да и какого они тут размера? Слизь даже на потолке! Тварь, оставившая ее, должна быть громадной.

Это прекрасно понимала и Вилка. Притихнув, она больше не торопилась. Приятно сознавать, что за твоей спиной красавица чувствует себя в безопасности. Или она использует меня как живца?

Показать страх было бы унижительно, и я отважно направился в темноту. Чего бояться? Еще три месяца – и для меня всё закончится. Надеюсь, мир проживет больше, если Стрыкин остановит Дыру.

Проход сузился до тоннеля, напоминая уже не пещеру, а нору с подозрительно гладкими стенами. Их словно стесали от пола до потолка, чтобы ровнее нанести мазки слизи. Она совсем свежая, и здесь ее много.

Мы подошли к перекрестку, когда почувствовали вибрацию. Земля затряслась, вокруг стали падать камни и комья земли. Справа по коридору что-то глухо сопело. Вероятно, там с трудом протискивалось нечто огромное.

Идти вперед? Влево? А вдруг там тупик?

Мы предпочли отступить. Судя по жопогрызам, с таким существом лучше не связываться. В этом случае их опыту я доверял.

Затаившись, мы тревожно ждали появления монстра. Факелы пришлось потушить. Стены и так хорошо светились от слизи. Возможно, стоило намазать ее на себя. Запах тогда отобьем, но кто знает, как и чем этот монстр размножается?

Я судорожно перебирал в уме список улиток из бестиария. Там больше сорока видов, но ни один не походил на грузовой поезд. А судя по вибрации, к нам полз именно он.

Впрочем, можно уже не гадать. Чудище на подходе. Его торжественному появлению предшествовал набег свиты, пытавшейся найти спасение в боковых ветках или укромных щелях. Мелких членистоногих из тоннеля словно выдавливал поршень. Нас буквально захлестнуло копошащейся волной насекомых. Теперь они были везде: на плечах, голове, лезли в уши и нос, прятались в ранец и складки комбеза. Вероятно, вот так Битик и обрёл червя. Попросту не успел из себя его вытащить.

Я замер с нехорошим предчувствием женского визга. Но Вилка не издала ни малейшего звука, терпеливо вытряхивая мокриц из волос.

Не женщина – кремень! Такую не напугать ухвертками. На этот подвиг способен лишь «демон-барсук». Сменю звероформу, как только представится такая возможность. Возьму что-то няшное, чтобы зря не пугать.

В тоннеле мягко плюхнуло и сразу стало темнее. Температура заметно упала. Похоже, монстр поглощал свет и тепло.

Я осторожно выглянул из-за угла. То, что удалось разглядеть, походило на оживший студень.

Ооза! И какого размера! Это же настоящий «А» класс! Монстров такого ранга лишь изредка находят в самых опасных локациях. Кто пустил в «лягушатник» такое чудовище? Не могло же оно само сюда приползти?

Выглядел монстр соответственно рангу. Ненасытная плотоядная биомасса – безглазая и бесформенная. Пасть, как большой бульдозерный отвал. Двигаться без слизи такой колосс просто не сможет. Он как бы смазывает дорогу собой. Для этого нужны горы еды. Охотничья тактика незатейлива, но эффективна: гнать добычу перед собой, выдавливая ее в тупики. Монстру даже разворачиваться не надо. Он сформирует рот с любой стороны.

Пропустив мимо уходящий «состав», мы с облегчением выдохнули и вернулись на перекресток. Проблема выбора уже не стояла. Чудовище ползло влево, справа всё начисто слизано. Ничего крупнее бактерии там остаться уже не могло. Значит, нам прямо.

Через сто-двести метров звериные рефлексии Вилочки опять нас спасли. Она резко толкнула в спину и упала на меня сверху. В другой ситуации я был бы только рад, но эта выглядела излишне горячей. Гудящий огненный шар пролетел так близко, что я почувствовал жар. Сзади громыхнуло и нас осыпало искрами.

– Вахр-ра-об-али! – проревел впереди кто-то.

В этом вопле я с трудом узнал голос Юлия. Атака? Он серьезно? С чего бы ему так орать?

– Это мы! – крикнула боевая подруга. – Вилка и Ханса!

Это наши? Они так шутят? Похоже, сильно соскучились, раз хотят даже убить!

Я осторожно поднял голову, но никого не увидел. Выжженная дорожка тянулась к нам от завала, преграждавшего дорогу вперед.

– Не подходите! – на этот раз кричала Юфирь. – Он убьет вас!

Кто? Юлий? Зачем?

– Ваня? – громко позвала Вилка. Я хорошо чувствовал, как напряглось ее тело. Оно всё еще лежало на мне.

Молчание. Почему молчат?

Мы перекатились к стене и спрятались в нише. Вилка стиснула мое предплечье пальцами так, что наверняка останутся синяки.

– Она... с Лироем. Юлий завалил к ним проход! – крикнула, наконец, Юфирь. Видимо, как раз их откапывала.

– А что с ним? – спросил я, внутренне сжавшись от страшной догадки. Неужели, первая смерть?

– Мы его потеряли. Это больше не он!

Вот оно что... Ребята не смогли или не успели расчленивать его труп. Он «обратился» и отрезал им путь. Битик прав – пускать нас в Лабиринт было убийством. А скорее, казнью. Мы еще не готовы.

– Так чего сидите? – злясь, заорал я. – Выкуривайте монстра оттуда. Лирой слышит? Пусть врубает «Сопротивление», сбивайте каст! Мы поддержим!

– Танк у нас не Лирой, – мрачно сообщила Юфирь.

– А кто? – тупо переспросил я.

– Ванька.

Вилка охнула и прислонилась к стене. Ноги ее уже не держали. Пришлось присесть даже мне.

Ванька? Глазастое, похожее на птенчика существо – танк? А так бывает? У нас уже трое из десяти не подтвердили свой класс! Взвод потерял Юлия, не успев даже собраться. А ведь он был лучшим из нас. Суперзвезда. Естественно, Ванька не сумела снять с него агро.

– Остальные? Что у других? – я с тревогой ждал новых сюрпризов.

– Лирой теперь «якобы-маг», – с издевкой ответил за Юфирь Пухлик. – У остальных – как планировали. Навыков меньше, чем хотелось бы. Вы сами-то как?

– Примерно так же. Я «барсук», Вилка – хилер.

Снова озадаченное молчание. Похоже, мы самый неудачливый взвод за всю историю Лабиринта.

– Ясно. С вашей стороны тоже завал? – спросила Юфирь после красноречивой паузы.

– Да, – подтвердил я, – из него кидаются горячими шариками. Но дыры есть.

– Значит, монстр обвалил с трех сторон, – заключила она. – Лирой с Ванькой сказали, что кто-то ползет. Но к ним не добраться.

Мы с Вилкой переглянулись. Оозу не остановить. Она прокатится по ним катком. Их надо срочно разблокировать, а на перекрестке окопалось то, что осталось от Юлия. Устроил там дзот. Хорошо, камни под потолком не вплотную. Еще можно пролезть.

– Так чего ждем? – встрепенулась Вилка, до крови укусив губу.

– Минуту!

Некоторое время на стороне Юфири возбужденно шептались. Наконец она объявила план действий:

– Ударим по магу с двух сторон. Ханса, барсуком влезешь?

– Должен! – кивнул я.

– Тогда крутись, делай что хочешь. Главное, отвлеки, пока мы подтягиваемся. Нам камни разбирать придется. И аккуратнее. У монстра и силы монстрячи. Просто бегай внутри и не подставляйся. Как понял?

– Прекрасно! – огрызнулся я.

Интересно, она знает, как работает «Одержимость»? В ней только инстинкты, рефлексы и минимум интеллекта. Скорее, питомец, чем человек. И не факт, что ручной. Понятия не имею, что будет делать барсук.

И в кого мне сейчас лезть? До ребят не дотянусь. Опять в Вилку? А что это даст? Нет, придется рисковать и прыгать в монстра. Лишь бы не спянуть в нем самому.

– Как полезу, кинешь хот, – прошептал. – Причем в последнюю секунду, чтобы подольше висел. За мной не ходи. Лечить и через дыру можно.

Вилка подобралась и кивнула.

Сейчас она и сама как животное. Ловкое и смертельно опасное. Мышцы как сжатые до предела пружины. Зрачки расширены, взгляд устремлен в одну точку. Да она еще одержимей меня. Всех порвет за дочь. Снесет к чертовой матери все баррикады. Не выдержит и пойдет врукопашную. Про хил можно точно забыть.

Но уж как будет. А мне пора.

Раз... Два... Три!

8

* * *

Я слышу эти звериные голоса...

Так значит, Ханса с Вилкой тоже погибли. Какие же уродливые и жуткие рожи! Боже, во что их превратил Лабиринт...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.